

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Санкт-Петербург
1996

150 ЛЕТ
РОССИЙСКОМУ (РУССКОМУ)
АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ
ОБЩЕСТВУ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL SOCIETY

**THE TRADITIONS
OF
THE RUSSIAN ARCHAEOLOGY**

IHMC METHODOLOGICAL SEMINAR PAPERS

St.-Petersburg
1996

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО**

**ТРАДИЦИИ
РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ**

МАТЕРИАЛЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СЕМИНАРА ИИМК РАН

**Санкт-Петербург
1996**

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ

Выпуск 33

Редакционная коллегия:

В. М. Массон (отв. редактор),

С. В. Белецкий , Л. Б. Кирчо.

Компьютерный набор и верстка:

Н. А. Лазаревская, Л. Б. Кирчо

**ПЕЧАТАЕТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ РАН И РОССИЙСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА**

ISBN 5-201-01182-9

Милостивѣйшій Государь.

Согласно съ желаніемъ Вашего Императорскаго Высочества, изъявленнымъ въ почтеннѣйшемъ отношеніи отъ 12 сего апрѣля за № 167, я вошелъ с представленіемъ въ комитетъ гг. министровъ объ исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія на учрежденіе въ С.-Петербургѣ Археологическо-Нумизматическаго Общества, — о чемъ считаю обязанностію довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Высочества.

С глубочайшимъ высокопочитаніемъ имѣю честь быть, Милостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Высочества покорнѣйшимъ слугою
Уваровъ.

Въ засѣданіи комитета министровъ 23 апрѣля того же года было постановлено разрешить учрежденіе Археологическо-Нумизматическаго Общества и утвердить статуты, поднеся ихъ на благоусмотрѣніе Государя Императора.

Статуты удостоились Высочайшаго разсмотрѣнія в г. Варшавѣ 15 мая, о чемъ комитетъ министровъ постановилъ увѣдомить выпискою министра народнаго просвѣщенія:

«Выписка изъ журналовъ комитета министровъ 23 апрѣля и 21 мая 1846 г. № 1142:

Слушана записка министра народнаго просвѣщенія, отъ 16 апрѣля за № 498 (по канцеляріи), объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ Археологическо-Нумизматическаго Общества.

Комитетъ полагалъ: разрешить учрежденіе означеннаго Общества и утвердить составленные для онаго Статуты, согласно съ представленіемъ министра народнаго просвѣщенія, поднеся Статуты на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества; на утвержденіе же Его Императорскаго Высочества герцога Лейхтенбергскаго предсѣдателемъ сего Общества испросить Высочайшее соизволеніе.

На сіе положеніе комитета послѣдовало собственноручное Его Императорскаго Величества повелѣніе: «Согласенъ», а Статуты удостоены разсмотрѣнія Его Величества въ Варшавѣ 15 мая 1846 года.

Комитетъ въ засѣданіи 21 мая опредѣлилъ: сообщить о томъ министру народнаго просвѣщенія къ исполненію выпискою изъ журнала, возвратити ему и Статуты».

Управляющій дѣлами комитета, статсъ-секретарь *Халыковъ.*

Предсѣдатели.

1. Герцогъ Максимилианъ Лейхтенбергскій, учредитель Общества.
2. Великий Князь Константи́нъ Николаевичъ.
3. Великий Князь Константи́нъ Константиновичъ.

Основатели.

4. Баратаевъ, князь Михаилъ Петровичъ.
5. Бартоломей, Иванъ Алексѣевичъ.
6. Гагаринъ, князь Θεофиль Григорьевичъ.
7. Демезонъ, Петръ Ивановичъ.
8. Долгоруковъ, князь Сергѣй Васильевичъ.
9. Жиль, Флоріанъ Антоновичъ.
10. Кангакузинъ, князь Родіонъ Николаевичъ.
11. Кёне, Борисъ Васильевичъ.
12. Куникъ, Аристъ Аристовичъ.
13. Муральтъ, Эдуардъ Гаспаровичъ.
14. Прейсъ, Адольфъ Θεодоровичъ.
15. Рейхель, Яковъ Яковлевичъ.
16. Сабатье, Лукьянъ Петровичъ.
17. Сабатье, Петръ Петровичъ.
18. Савельевъ, Павелъ Степановичъ.
19. Сегенъ, Францъ Францевичъ.
20. Сибирскій, князь Александръ Александровичъ.
21. Строгановъ, графъ Александръ Сергѣевичъ.
22. Топчибашевъ, мирза Джафаръ.
23. Уваровъ, Алексѣй Сергѣевичъ.
24. Френъ, Христіанъ Даниловичъ.

РУССКОЕ (РОССИЙСКОЕ) АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ АРХЕОЛОГИИ В РОССИИ

Попытки государства создать историческую науку в России не увенчались успехом. Только в результате деятельности неформальных объединений "любителей старины" в нашем Отечестве сложилась историческая наука вообще и археология, в частности.

До XIX в. в России археологией занимались отдельные энтузиасты, работавшие на свой страх и риск бессистемно и отрывочно. Первым объединением ученых, пришедшим на смену "случайно составлявшимся любительским кружкам и дружеским сотрудничествам", которым, по выражению В. О. Ключевского, давно "не доставало постоянной формы устройства и прочного пункта прикрепления" было "Общество истории и древностей российских". Оно было создано в 1804 г. 6 историками и любителями древностей, в числе которых был и Н. М. Карамзин. За 113 лет существования общество издало 251 книгу с 3300 статьями и провело огромную работу. Однако оно занималось не только археологией, но и летописями и другими историческими источниками.

Чисто археологическое общество возникло в мае 1846 г. в Петербурге. Еще раньше, в 1843 г. в Копенгагене, где трудились великие археологи того времени Томсен и Ворсо, была создана русская секция при королевском обществе северных антиквариев. Инициаторами создания РАО были Б. В. Кене и Я. Я. Рейхель — известный модельер и нумизмат. Им удалось привлечь ок. 20 именитых любителей древностей, которые стали собираться на квартире Рейхеля с нач. 1846 г., разрабатывая план создания РАО. Как писал И. П. Сахаров в те дни: "У нас затевается нумизматическое общество. Немцы под фирмою Рейхеля — основатели. С ними из русских: князь Долгорукий и молодой (сын) Уваров": Отец Алексея Уварова С. С. Уваров был министром народного просвещения и добился разрешения на учреждение РАО. 15 мая 1846 г. царь подписал на "Статутах Археологическо-Нумизматического Общества" — "Согласен". Из 21 члена-основателя РАО русских было, конечно, не двое, там были князь Павел Степанович Савельев, на котором держалась вся издательская деятель-

ность РАО, кн. Ф. Г. Гагарин, граф А. С. Строганов, гр. А. С. Уваров и др. Они и вели основную работу в РАО. Особенно много сделал А. С. Уваров. Он не только был одним из основателей РАО, но и создал в 1864 г. Московское археологическое общество. В честь его РАО в 1884 г. учредило золотую медаль и премию его имени за выдающие сочинения по археологии. Кроме Уварова, археологией сначала в РАО занимался, пожалуй, один Кене. Остальные его члены были парадными "генералами", либо нумизматами, поэтому и общество называлось "археолого-нумизматическим". Однако археология все больше вытесняла нумизматику и по Уставу, утвержденному царем 26.X.1849 г., Общество стало называться "Императорским Археологическим Обществом".

Первым председателем его был герцог Максимилиан Лейхтенбергский. С 1852 г. председатель РАО – Великий князь Константин Николаевич. В это же время Общество стало именовать себя уже Императорским Русским Археологическим Обществом. Если издания РАО до сих пор публиковались исключительно на французском и немецком языках под длинным названием: *Memoires de la société d'archéologie et de numismatique de Saint-Petersbourg, publié par le Dr. B. de Kohné* (далее следует длинное перечисление ученых обществ, в которых он был членом), то с 1849 г. начато издание "Записок Санктпетербургского археолого-нумизматического общества" на русском языке. С 1852 г. было прекращено издание на иностранных языках "*Memoires*" (издано 6 тт.). Издание "Записок" было расширено. В них были переизданы на русском языке и основные статьи из "*Memoires*". Сам Кене был исключен из РАО в 1853 г. по настоянию нового председателя РАО.

В 1871 г. торжественно отмечалось 25-летие общества. Александр II обратился с приветствием к РАО, в котором отмечал, что "Своими разнообразными многочисленными исследованиями, обращенными на изучение древностей преимущественно русских и восточных, оно способствовало во многом успехам науки и распространению в отечестве истинных знаний". Царем было установлено выдавать РАО ежегодно 5000 рублей из казны (до того РАО получало 3000 рублей от государства). Это были крупные суммы.

В 1869 г. в Москве по инициативе А. С. Уварова был созван 1-й археологический съезд России, 2-й съезд состоялся в столице

в 1876 г. и с тех пор археологические съезды стали собираться регулярно. Для развития на местах археологической деятельности они проходили в разных городах. Стали возникать местные археологические общества: в 1878 г. – в Казани, в 1880 г. – в Пскове, в 1894 г. – в Новгороде, и т. д. Каждое из них издавало свои "Записки", "Известия", "Сборники", Труды". В России родилась и стала массовой новая наука – археология, сыгравшая огромную роль в сохранении исторического наследия народов России. Для многих народов она являлась единственным источником восстановления их истории. Можно сказать, что благодаря деятельности археологов большинство народов огромной страны восстали из небытия и начали познавать свои истоки, свое прошлое.

Однако после 1917 г. РАО было уничтожено, как и все местные археологические общества. Мысли о его реанимации стали зарождаться у археологов в период "хрущевской весны" и особенно активно после выхода советской археологии на международную арену. Важной вехой в этом был Международный Конгресс до- и протоисториков в Праге, куда в первый и единственный раз, была выпущена большая группа, ок. 40 человек. В 1991 г. РАО было юридически оформлено и признано государством. За 5 лет после возрождения РАО издало 18 книжек "Древности", сумело через разные издательства начать публикацию книг для широкой общественности. Создан первый в России оригинальный "Археологический словарь". Спасены уникальные коллекции Хорезмской этнографо-археологической экспедиции, создан первый в России (после 1917 г.) Музей археологии в Москве. Все это сделано исключительно благодаря помощи российских и зарубежных членов РАО. Воссоздание РАО поддержали зарубежные коллеги. Ученые из стран СНГ участвовали в организации РАО: среди учредителей Общества: В. А. Ранов из Душанбе, Ю. А. Колосов и В. Н. Гладиллин из Киева, В. Н. Станко из Одессы и др. РАО выдвинуло В. А. Ранова и В. Н. Станко за активную работу в РАО в академии РАН. Всего от РАО выбрано 12 академиков. 116 ученых из 16 стран дальнего зарубежья стали членами РАО, в т. ч. из США – 28, Франции – 6, Германии – 7, Англии – 7, Италии – 16, Испании – 43, Японии – 3, а также ученые из Афганистана, Албании, Австралии, Бельгии, Израиля, Марокко, Турции.

Несмотря на огромные трудности, РАО продолжает работать: издаются книги, музей РАО принимает сотни туристов, слушатели Археологического колледжа уже работают в вузах и научных лабораториях. Второй год работает лекторий РАО при Политехническом музее в Москве, осуществляются широкие международные связи. Активно помогают РАО Академия естественных наук, Академия "Российские энциклопедии", РАН и др. Особенно РАО благодарно ИИМК за сотрудничество и помощь.

В. М. Массон
(Санкт-Петербург)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В "КЛАССИЧЕСКИЙ" И "ПОЗДНЕКЛАССИЧЕСКИЙ" ПЕРИОДЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ

Историки науки по одной из периодизаций выделяют классический период развития науки, приходящийся на XIX – нач. XX вв. и предшествующий периоду развития науки как государственной системы, непосредственной производительной силы, особенно после наступления научно-технической революции, совершившей подлинный переворот в информационных системах. В эпоху Возрождения, как известно, прогресс науки происходил во многом на базе античных традиций, к чему восходят истоки особого внимания и к материальным древностям. Сравнительно-стилистический анализ, связанный с идеей прогресса, утвержденный в монументальных трудах И. Винкельмана, а затем выработка независимых хронологических систем в изучении памятников материальной культуры ушедших эпох способствовали становлению археологии как самостоятельной отрасли научных знаний. Выход на глубокую древность, в эпохи, лежащие вне свидетельств письменной традиции, стимулировал дальнейшее формирование археологии как особой сферы гуманитарного знания. Периодизация палеолита, предложенная Г. Мортилье, открытие основной закономерности объекта исследования (после типологических разработок О. Монтелиуса) утвердили за археологией высокий научный статус. Одновременно многообразней становилось значение этой научной дисциплины для развития современной цивилизации. На этом пути отечественная наука достигла заметных успехов, накопила немалый опыт, заслуживающий изучения и использования.

Российская археология развивалась своими путями, но в целом (особенно это стало видно в XIX в.) шла в русле основных вехий мировой археологической науки. Именно в это время в отечественной археологии формируются организационные формы, складываются параметры развития, определенные творческие императивы, создающие богатый пласт исходных традиций. В последние годы заметно усилился интерес к этим традициям и истории отечественной археологии в целом. Последовательно занимается этими вопросами А. А. Формозов, открывая полузабытые страницы истории отечественной науки не только для узких профессионалов, но для интеллектуальной общественности страны в целом. Большой конкретный материал сконцентрирован в книге Г. С. Лебедева "История отечественной археологии" (1992). Эти разработки продолжает тематический сборник "Санкт-Петербург и отечественная археология" (1995).

Одним из важных показателей развития научной отрасли является форма институализации науки. С сер. XIX в. идет активный процесс создания научных центров археологии, сначала – в Петербурге, а затем в – Москве и далее почти по всей России. Первым государственным археологическим учреждением страны становится Императорская Археологическая Комиссия (ИАК), созданная в 1859 г. при Министерстве двора. Располагая ограниченным постоянным штатом, ИАК выступала как организационный центр, имея в качестве почетных членов и членов-корреспондентов крупных ученых (Н. И. Веселовский, В. В. Стасов, В. В. Радлов, В. В. Латышев, Н. Я. Марр и многие другие). ИАК, Эрмитаж и Русское Археологическое Общество (РАО) образовывали в Петербурге как бы три краеугольных камня развития археологии. В частности, РАО осуществляло функцию организатора профессиональной периодики, издавая "Записки" по целому ряду своих отделов. Вместе с тем, особенно важно то обстоятельство, что организационная структура учреждений и обществ, причастных к археологии, носила полицентрический характер. Огромную роль играло Московское Археологическое Общество (МАО), регулярно организовывавшее археологические съезды в разных центрах российской державы. Во 2-й пол. XIX в. повсеместно организуются различные общества; музеи создаются не только в губернских и уездных центрах, но и в городах, не имеющих такого

административного статуса. Весьма важна для археологии была деятельность губернских архивных ученых комиссий, активно включавшихся в развитие краеведения, которое достигло особых успехов в 20-е гг. до того, как оно было фактически разгромлено с репрессивными последствиями для многих его активных создателей. Следует отметить, что деятельность многих обществ, объединявших людей по кругу интересов, а не ведомственной принадлежности, по существу соответствовала понятию “незримый коллектив”, выдвинутому наукометрией во 2-й пол. XX в., хотя разумеется, не имела таких возможностей информационных связей, которые предоставила научно-техническая революция.

Особенно важным является развитие информационных и интеграционных общегосударственных и международных параметров. Обширная археологическая литература вызвала к жизни и такое направление ее систематизации как библиография. Постепенно археология России входила в научное сообщество Европы через различные формы взаимодействия – от участия в конгрессах и длительных командировок до прямого движения кадров, когда ученые после работы в России переезжали в Европу и наоборот. Началось создание археологических центров за рубежом, пример чего – организация Русского археологического института в Константинополе (Стамбуле). После окончания высших учебных заведений талантливым специалистам представляли длительные зарубежные командировки. Так, П. П. Ефименко в течение такой командировки, длившейся 15 месяцев, смог посетить, помимо Европы, Палестину, Индию и Японию, что безусловно положительно сказалось на становлении его как крупного ученого.

Важнейшей чертой процессов, происходивших в сфере археологии, была их тесная связь с интеллектуальным развитием общества в целом, с деятельностью по сохранению, изучению и популяризации культурного наследия. Регулярно организовывались выставки древностей, добытых ИАК, с публикацией соответствующих каталогов. Важнейшим центром в сфере культурного наследия стал Исторический музей в Москве. Но особенно важно массовое краеведческое и музейное движение, охватившее буквально все уголки российского государства и знаменовавшее частное проявление феномена, который можно с полным правом именовать “серебряным веком российской культуры”. В массовом просвеще-

нии народа огромную роль играла русская интеллигенция, активно действовавшая во всех основных центрах страны. Эта высокая культурно-просветительская функция археологической науки была заметным достижением российской цивилизации.

Основные черты развития российской археологии как области научного знания справедливо отмечались исследователями ее истории, в частности, Г. С. Лебедевым. Происходило количественное возрастание соответствующей информации, вливающейся в общий научный поток через многочисленные издания. Подобно Европе Россия проходила трансформацию в познании памятников древности от любительской любознательности к научному знанию. Порой в реальной жизни эта трансформация шла в рамках творческой биографии отдельных исследователей. В рассматриваемый период произошел качественный скачок в возрастании объема науки, в количестве публикаций (в т. ч., приобретающих более профессиональный характер), в формировании новой, более полицентрической инфраструктуры (при определенном дуализме Петербурга и Москвы). Слабо был развит процесс создания научно-исследовательских институтов как особого типа научных учреждений академической или университетской науки, стихийно формирующиеся направления и школы не подкреплялись систематической подготовкой особого типа кадровых ученых. Прогрессивные традиции отечественной археологии, заметно деформируемые или предвзято отвергавшиеся, особенно с кон. 20 – нач. 30-х гг., практически никогда не исчезали в научном социуме, и в настоящее время, несмотря на сложную экономическую ситуацию, обнаруживают все признаки возрождения и развития.

И. А. Майзель
(Санкт-Петербург)

ТРАДИЦИИ В РАЗВИТИИ НАУКИ

Создаваемый современной наукой ее собственный концептуальный образ подчеркивает, в частности, такие свойственные ей особенности, как самоорганизация, саморегуляция, саморазвитие. В числе механизмов этих процессов значительную роль играют научные традиции. Исследование их делает необходимым обращение к проблеме социокультурных традиций вообще.

Традиции представляют собой выражение известной инерционности и кумулятивности человеческой жизнедеятельности. Аккумулируя накопленный людьми опыт, они транслируют его из прошлого в настоящее и будущее, передают от поколения к поколению сложившиеся в определенных условиях обычаи, нормы, правила поведения, ценностные ориентации, пронизывая собой более или менее длительные отрезки истории, они придают ей черты преемственности и целостности.

Значение такого рода наследования тем более велико, что традициям присуща значительная социальная активность – они носят прескриптивный характер и выполняют регулятивную функцию по отношению ко всем сферам социума. Вместе с тем сохраняемые ими формы жизнедеятельности могут – в зависимости от конкретной ситуации – либо стимулировать прогрессивное развитие в данной области, либо, напротив, становиться барьером на пути прогресса. В связи с этим, возникает вопрос о соотношении традиций и новаторства, при решении которого должны учитываться как изменчивость традиционных форм под давлением их совершенствующегося деятельностного содержания, так и то обстоятельство, что сами традиции, по мере реализации своего стимулирующего потенциала подготавливают свое собственное исчерпание.

В свете такого рода соображений и вырисовывается место традиций в науке как воплощения “абсолютного беспокойства”.

Весьма показательна в данном случае эволюция самопознания науки, ее теоретического “автопортрета”.

Наука в современном смысле слова, как неотъемлемое звено цивилизации конституировалась первоначально в виде классического естествознания. Его проявившиеся тогда черты и преломились в ставшем традиционным образе науки, который был окрашен преимущественно в гносеологические тона. В нем доминировал чисто мыслительный процесс, устремленный на постижение объективной истины, тогда как социальные параметры научного исследования оставались в тени.

Основанный на таком образе критерий научности господствовал на протяжении нескольких столетий, приобрел силу парадигмы и оказался эвристически плодотворен именно благодаря ориентации на объективность познания. Лишь в сер. XX в. развитие позднеиндустриальной цивилизации и развертывание глобаль-

ного научно-технического прогресса вскрыло, насколько глубоки связи между наукой и обществом. Переход от классического естествознания к неклассической науке усилил внимание к проблемам научной методологии и субъектно-объектного отношения в исследовательском процессе, выявив активное воздействие субъекта на объект посредством новейшей техники. Интенсивная разработка идей социологии знания, а затем социологии науки и науковедения в целом все более решительно включала изучение науки в социальный контекст. В результате, не без сопротивления, пробил себе дорогу новый образ науки как высокоспециализированной социокогнитивной системы, как производства теоретических средств рационализации и оптимизации социокультурных процессов. Но лишь будущее покажет, в течение какого времени о нем можно будет говорить как о традиционном.

Аналогичным образом обстоит дело с традиционностью, например, научной методологии, этоса науки как социального института, научных школ, способа изложения результатов научных исследований, научной символики, интерпретации истории науки.

Р. В. Васильева
(Санкт-Петербург)

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ.

ТРАДИЦИИ И НАСЛЕДИЕ

(по документам Рукописного архива ИИМК)

История учреждения – это не только его деяния, изложенные в четкой хронологической последовательности, это еще и духовно-нравственное и профессиональное наследие, его традиции. С годами организм учреждения меняется, ставятся новые задачи, появляются иные функции, но неизменными остаются его традиции, воплощаясь в творениях нового, следующего поколения.

В этом сообщении мы попытаемся посмотреть как и когда закладывались традиции нашего института. Ныне это Институт истории материальной культуры (ИИМК) РАН, в прошлом – Императорская Археологическая Комиссия, 137 лет со дня основания которой исполняется в этом году.

Не будет большим преувеличением сказать, что почва, на которой позднее взойдут всходы традиций ИАК, была подготовлена

ее первым председателем графом Сергеем Григорьевичем Строгановым. 2 февраля 1859 г. с “высочайшего одобрения” принимается Положение и Устав первого правительственного учреждения по “надзору за археологическими разысканиями в Империи” – ИАК. В этих документах в известной мере реализовались взгляды самого Строганова на развитие археологии в России и, что самое главное, на охрану древних памятников. На практике председатель расширяет сферу деятельности ИАК и тогда же закладываются ее основные направления: надзор за археологическими раскопками, сбор сведений о памятниках древности (археологических) и монументальных, привлечение научных сил к работе ИАК по исследованию памятников, всемерная популяризация деятельности ИАК путем издания ее Отчетов и Трудов. Строганов создает в рамках ИАК центральный археологический архив. Основным фактором, определявшим успешность работы учреждения, он видел в подборе кадров, уделяя этому большое внимание.

К 1886 г., к моменту прихода на должность председателя Алексея Александровича Бобринского, ИАК уже представляла собой вполне авторитетное учреждение в археологии и охране памятников. Новый председатель, внося в деятельность Комиссии новую струю, начал с решительных реформаторских преобразований. Однако реформы Бобринского проводились на фундаменте ИАК, возведенном графом Строгановым. Бобринский добивается монопольного права на проведение всех археологических раскопок на территории империи, претворив таким образом идею Строганова о максимальной централизации археологических исследований в стране; документы по раскопкам собираются только в архиве ИАК, что было целью его предшественника. Разработав единую Инструкцию по проведению раскопок и оформлению их результатов (авторы – Н. В. Веселовский и А. А. Спицын), он поднимает этот вид работы археолога на подлинно научный уровень. В охранной деятельности подробно разрабатываются документы по учету (Анкеты) и Описания памятников; ИАК участвует в разработке нового законопроекта по охране памятников. Приглашаются молодые, но уже известные своими трудами ученые – Н. П. Кондаков, М. В. Ростовцев, В. В. Латышев и др. Широко развивается издательская деятельность: под грифом ИАК выходят крупные монографические исследования Ростовцева и Кондакова,

Радлова и Айналова, Латышева и Покрышкина. Уровень археологических раскопок, реставрации монументальных памятников зодчества поднимается до масштабов “школ”. Издание Трудов ИАК, начатое Строгановым, Бобринский продолжил в новом виде – Материалы по археологии России. Как и Строганов, он огромное внимание уделял личному составу Комиссии. Здесь могли работать не просто талантливые ученые, но люди бескорыстно преданные своему делу. Многие из них работали “без права на пенсию” или другое вознаграждение. Обращаясь к коллегам в 1896 г., А. А. Бобринский сказал: “...предаваясь со страстью отрасли нашей науки мы не должны забывать, что конечная цель археологии цель христианская: принести пользу людям, научить их истине, направить их на путь достижения возможного счастья в жизни... По каким бы отраслям мы не служили археологии – все мы работаем во имя одной, освящающей наш труд, идеи: просветить людей, научить их уважать былое, как источник их собственного благополучия и трудиться для дальнейшего развития человечества и его искусства”. Такими они и были в ИАК, такими они вошли в новое учреждение, порожденное советским строем на старом, проверенном временем фундаменте, название которого – Императорская Археологическая Комиссия.

И. Л. Тихонов
(Санкт-Петербург)

**К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕМЕ И СОДЕРЖАНИИ
ТЕРМИНА “АРХЕОЛОГИЯ”
В РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ НАУКЕ**

В России термин “археология” появляется в самом начале XIX в., придя из немецких университетов и немецкой литературы. Причем, первоначально следуя немецкой традиции, под “Археологией” подразумевалось исключительно изучение древнего искусства, преимущественно классического (Формозов 1974). Это значение было зафиксировано в уставе Московского университета 1804 г., являвшегося типовым уставом для всех русских университетов, где на историко-филологическом факультете полагалась кафедра теории изящных искусств и археологии. Аналогичная кафедра существовала и в Петербургской Академии наук, где ее за-

нимали видные антиковеды Ф. Б. Грефе, Е. Е. Келлер и, позднее, Л. Э. Стефани. В нач. XIX в. "Археология" более всего была связана с антиковедением, и конкретно, с классической филологией, хотя и делались попытки разграничить ее с последней, указывая на вещественный характер ее источников (Гергард).

Подобная искусствоведческая трактовка термина "археология" продолжалась и в последующее время. Так, в энциклопедическом словаре 1874 г. мы читаем: "Археология ..., в точном, теперь более принятом смысле означает часть науки древности, занимающую преимущественно памятниками древнего искусства и художественной индустрии, в особенности греков и римлян". Близкой точки зрения придерживался и выдающийся русский искусствовед и археолог Н. П. Кондаков, который считал, что археология лишь вспомогательная наука, готовящая материалы для истории искусства и заимствует свои исследовательские приемы и методы из искусствоведения. Данный тезис Н. П. Кондаков реализовывал и на практике, так, во всех своих работах он рассматривал только произведения искусства, зачастую вне комплексов, совершенно не касаясь обрядов погребений, бытовых вещей и т. д. В аналогичном стиле работал и ученик Кондакова – Я. И. Смирнов. Даже такой "практикующий" археолог как Б. В. Фармаковский занимал кафедру истории искусства и лекции читал не по античной археологии, а по истории античного искусства. Данная трактовка термина, по крайней мере в отношении классической археологии, разделялась практически всеми крупнейшими русскими антиковедами и нашла отражение в известном учебнике С. А. Жебелева, который, хотя и указывал, что "археология не есть история древнего искусства" и подчеркивал ее источниковедческий характер, однако, объединял их методы и цели исследования и делал вывод, что "всякий археолог в то же время должен быть и историком искусства". Хотя С. А. Жебелев пытался разграничить "археологию искусства" и "бытовую археологию", на страницах его книги речь повсеместно идет о произведениях искусства, а не о вещественных памятниках [последнее понятие значительно шире – И. Т.]. Едва ли не единственным археологом-классиком, выходящим за рамки такого понимания археологии, был М. И. Ростовцев.

К сер. XIX в. понятие "археология" приобретает более широкий смысл, распространяясь на все виды источников и становясь

наукой о древностях вообще. Это значение фиксирует словарь 1847 г. и Толковый словарь В. И. Даля (1-е издание 1863 г.). И. И. Срезневский в своем лекционном курсе 1860-х гг. "Славянские древности" формулировал понятие о памятнике древности [источнике – И. Т.] и выделял четыре рода памятников, из которых только первые являлись вещественными, а остальные (народный быт и поверья, памятники устные и письменные) по современным понятиям относились к области этнографии, филологии, фольклористики и собственно исторической науки. Однако, изучение всех этих разных видов источников Срезневский объединял под археологией, провозглашая ее самостоятельность и дистанцированность от истории, т. к. "история ... есть повесть о происшедшем, передающая что и как было, совершено во временном порядке ..., в археологии же нет событий и их временной последовательности". Такого же мнения придерживался и один из ведущих русских археологов этого времени А. С. Уваров, понимавший археологию "как науку, изучающую древний быт народов по всем памятникам, какого бы ни было рода, оставшихся от древней жизни каждого народа". Далее видно, что под видом археологии, Уваров предлагал включить в учебные программы университетов целый комплекс вспомогательных исторических дисциплин: палеографию, дипломатику, сфрагистику, геральдику, нумизматику и т. д. И хотя при обсуждении доклада Уварова на III АС прозвучало справедливое замечание, что невещественные памятники старины не должны причисляться к кругу предметов археологического исследования, возобладало именно это широкое толкование археологии. В изданиях археологических обществ и съездов сплошь и рядом стали появляться работы, основанные на изучении любых источников. А программа преподавания созданного в 1878 г. в Петербурге Археологического Института почти полностью совпадала с программой А. С. Уварова. И вполне закономерный парадокс – собственно "археология" в Археологическом институте до 1890-х гг. вообще не преподавалась. В энциклопедическом словаре 1890 г. написано: "слово археолог по общему употреблению обозначает равно как того, кто занимается исследованием курганов и могил древних народов, так и того, кто изучает картины и скульптуры". А автор более позднего времени – ученик А. А. Спицына В. В. Саханев – отмечал, что под "археологией" в России могло пони-

маться даже собирание марок. Тот же словарь после указания, что к настоящему времени наибольшее распространение получает мнение о предмете археологии как о вещественных памятниках, в итоге вынужден резюмировать, что: 1) термин “археология” понимался и понимается различно; 2) ее предмет, задачи и методы не определены до сих пор; 3) археологию можно определить как совокупность разнообразнейших сведений о памятниках древности; 4) частью эти сведения обособились в отдельные группы с определенным предметом, задачами и приемами исследования и стали “дисциплинами” археологии [далее следует перечень уже известных нам вспомогательных наук – И. Т.]. Однако, это совершенно неопределенное толкование археологии не могло устраивать к кон. XIX в. некоторых ученых-историков, которые даже опередили здесь археологов (в 1910-е гг. А. А. Спицын мог в своем семинаре по русской археологии заниматься со студентам и такими темами, как проблемы русского летописания или историей актов боярского землевладения в Новгороде). Один из крупнейших русских источниковедов того времени А. С. Лаппо-Данилевский в курсах лекций по источниковедению русской истории выделил вещественные памятники как особые источники, именно ими ограничивая сферу археологии, которая ему представлялась наукой, занимавшейся изучением объективированных форм всех видов развития какого-либо народа. И в итоге он отводил археологии место в сфере гуманитарных наук, изучающих общественные явления, но различающихся по характеру источников.

Представители естественно-научного подхода к изучению памятников прошлого, в среде которых зарождалась и, в основном, развивалась с 1860-х гг. первобытная археология, вообще старались не пользоваться термином “археология”, чтобы дистанцироваться от различных “церковных археологий” или “археологии искусств” и подчеркнуть естественно-научный характер своей дисциплины, основанный прежде всего на данных геологии и палеонтологии. Здесь использовались обозначения: доистория, преистория, доисторическая антропология или палеоэтнология. Последний термин происходил из французской школы палеолитоведения и был предложен Г. де Мортилье. Он-то и получил наибольшее распространение в России к нач. XX в.

Таким образом, вплоть до революции 1917 г. в русской науке существовало по крайней мере три различных толкования “археологии”, из которых наиболее прогрессивным и постепенно все более распространяющимся было то, которое ограничивало сферу археологии вещественными памятниками. Однако на практике, в организационной структуре науки, оно не реализовывалось. В послереволюционные годы новое название ведущего археологического учреждения – РАИМК–ГАИМК – впрямую указывало на материальную (вещественную) природу источников науки, тем не менее в стенах этого учреждения продолжали трудиться историки, искусствоведы, этнографы, филологи. Сама Академия, кроме этнологического и археологического отделений, имела и художественно-историческое. Аналогичная ситуация была и на археологических отделениях университетов. На рубеж 1920–30-х гг. археология вообще была объявлена буржуазной наукой и со страниц изданий ГАИМК почти исчез собственно археологический материал. И только к кон. 1930-х гг. термин “археология” окончательно утверждается в отечественной науке в смысле дисциплины, занимающейся изучением вещественных памятников прошлого.

М. В. Аникович
(Санкт-Петербург)

У истоков российского палеолитоведения

В России археология палеолита формируется позднее, чем в Западной Европе: в 70-е гг. XIX в., на волне интереса к эпохе камня, первобытному человеку – современнику мамонта и связанным с ним кругом проблем. Не вызывает сомнений, что этот интерес был обусловлен не только успехами французских палеолитоведов, но и получившими большую известность идеями Ч. Дарвина, воспринятыми в российском обществе как “знамя нигилизма”. Отчетливо прослеживается связь первых российских исследователей палеолита не только с естественными науками, но и с либеральными, и даже радикальными, “освободительными” идеями. Так, первооткрыватели российского палеолита (Иркутский Госпиталь, 1871) И. Д. Черский и А. Л. Чекановский, по образованию естественники, были польскими революционерами; прославившийся открытием Костенок (1879) И. С. Поляков был прежде

всего зоологом; биолог К. С. Мережковский придерживался нигилистических убеждений, — по крайней мере, в тот период, когда он исследовал пещерные палеолитические стоянки в Крыму. Вероятно, это обстоятельство сыграло известную роль в том, что успешно начатые в 70-е гг. XIX в. исследования палеолита в России, с 80-х гг. почти прерываются на десятилетия. Подлинно научная школа изучения палеолита в России складывается, фактически, после 1906 г. в рамках палеоэтнологического направления. Данное направление в российской археологии исходило в основном из материалистических установок и было ориентировано на естественнонаучные дисциплины и в этом отношении противостояло “официальному” направлению, изначально ориентированному на гуманитариию (А. С. Уваров, И. Е. Забелин и др.). Прав И. Л. Тихонов, решительно отрицая распространённое противопоставление палеоэтнологического подхода эволюционизму (1995).

Центром становления русской палеолитической школы явилось Русское антропологическое общество при Санкт-Петербургском университете (образован в 1887 г.), а само ее формирование связано в первую очередь с научно-преподавательской деятельностью Ф. К. Волкова (Вовк), бывшего политического эмигранта (с 1879 г.), вернувшегося в Россию только в 1906 г. Естественник по университетскому образованию, Ф. К. Волков прошел научную подготовку в Париже под руководством Г. де Мортилье. Там же он вел довольно активную научную и лекционную работу, в 1905 г. получил степень доктора естественных наук. Таким образом, школа, формировавшаяся под его руководством в Санкт-Петербурге, непосредственно основывалась на лучших, наиболее передовых достижениях мирового палеолитоведения того времени.

Среди учеников Ф. К. Волкова были Г. А. Бонч-Осмоловский, один из самых талантливых российских палеолитоведов (чьи способности, к сожалению, не были реализованы полностью из-за ареста и ссылки, сломавших его судьбу) и П. П. Ефименко, будущий глава советского палеолитоведения, внесший бесспорный и ценный вклад в мировую науку. Выходец из революционной среды, активный участник харьковского подполья, убежденный атеист, резко враждебно относившийся к религии (Борисковский 1989), Ефименко хорошо “вписывался” в среду петербургских палеоэтнологов. Яркий, увлеченный, талантливый человек, он пре-

красно усвоил, а впоследствии – творчески развил то, что дал его учитель, Ф. К. Волков, но это не дает никаких оснований причислять Ефименко “к группе носителей традиций Императорской комиссии” (Григорьев 1995): сама палеоэтнологическая школа была от этих традиций весьма далека.

П. П. Ефименко сформировался как археолог-палеолитовед еще до революции, причем именно как последовательный сторонник палеоэтнологического направления. В эти годы им опубликовано 9 научных работ; после 1908 г. (единственный год, когда Волков непосредственно руководил раскопками) Ефименко, фактически, возглавлял раскопки Мезенской стоянки, и, если делает это не вполне удачно, то впоследствии в полной мере учитывает свои ошибки. Таким образом, в основе последующих достижений отечественного палеолитоведения (новая методика раскопок, открытие палеолитических жилищ, фундаментальное обобщение мирового опыта) лежат не Маркс и не Марр, а палеоэтнологическая школа. Да и сама знаменитая стадильная концепция базируется в первую очередь, вопреки вынужденным нападкам на “буржуазный формализм” Г. де Мортилье, именно на его идеях и построениях, первоначально воспринятых петербургским студентом П. П. Ефименко не только из книг, но и через лекции и беседы своего учителя Ф. К. Волкова.

В связи со становлением палеолитоведения в России нельзя обойти вниманием представителя “московской школы” В. А. Городцова, чьи взгляды неоправданно противопоставляли палеоэтнологическому направлению как “эволюционистские” – “антиэволюционистским” (Генинг 1982). Его методологические разработки справедливо считаются вершиной достижений российской дореволюционной археологии в этой области. Он впервые выдвинул идею о региональных особенностях развития палеолита, о локальном, а не глобальном значении периодизации Мортилье–Брейля. Впоследствии эти идеи были развиты А. Н. Рогачевым.

Таким образом, российское палеолитоведение сформировалось как палеоэтнологическая дисциплина, ориентированная на наиболее передовую, французскую школу. Многие положения этого направления (тесная связь с естественными дисциплинами, комплексность исследований, повышенные требования к методике фиксации и анализа археологических материалов, изучение человека

в единстве с окружающей средой и проч.) не утратили своего значения до настоящего времени. Социологизаторское направление, насильственно сменившее палеоэтнологический подход в 30-е гг., требует специального анализа и не может характеризоваться лишь негативно. Однако методы, которыми оно насаждалось, являются позорной страницей истории нашей науки.

- БОРИСКОВСКИЙ, П.И. 1989. Петр Петрович Ефименко. Воспоминания ученика // СА 3: 253-259.
- ГЕНИНГ, В.Ф. 1982. Очерки по истории советской археологии. Киев. "Наукова думка".
- ГРИГОРЬЕВ, Г.П. 1995. П.И. Борисковский и П.П. Ефименко // Археологические вести 3: 262-263. СПб..
- ТИХОНОВ, И.Л. 1995. Палеоэтнологическая школа в С.-Петербургском университете (этапы формирования) // Археология Сибири: историография. Межведомственный сборник научных трудов I: 43-67. Омск.

Ю. А. Виноградов
(Санкт-Петербург)

О СТАНОВЛЕНИИ АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ В РОССИИ

Последние годы ознаменованы заметным повышением интереса к истории отечественной археологической науки. Этот интерес не оставил в стороне и проблем становления российской античной археологии, что нашло отражение как в работах обобщающего характера (В. Ф. Генинг, В. Н. Левченко, Г. С. Лебедев, А. А. Формозов), так и в исследованиях специалистов-антиковедов (В. Ю. Зуев, И. В. Тункина и др.). Изучение предшествующего опыта развития, безусловно, является закономерным результатом эволюции любой науки, фактором ее самопознания, осознания значимости пройденного пути. Вопросы истории науки при этом часто оцениваются с точки зрения ее современного положения и возможных тенденций будущего развития. Такая постановка проблемы, как представляется, в особенности характерна в моменты исторических катастроф, нарушающих органический лад и ритм целостной жизни и способствующих становлению "рефлексии исторического познания" (Н. А. Бердяев).

Историю археологии, как и историю любой науки, можно оценивать по различным аспектам: эволюция организационных форм

научной деятельности, становление научных центров, историография, формирование важнейших концепций, идей и т. д. Каждый из аспектов, составляющих целостную систему развивающегося научного знания на том или ином историческом этапе, может стать предметом самостоятельного исследования.

Интерес к античной культуре в российском образованном обществе был стимулирован петровскими реформами. Как хорошо известно, большое влияние на развитие науки оказал классицизм, утвердивший античность нормативным идеалом истории и искусства. Однако, изучение классических древностей Северного Причерноморья и, соответственно, становление российской античной археологии, точнее начало этого становления, стало возможным с кон. XVIII в. после завоевания Россией выхода к Черному морю. Немалый интерес к северопричерноморским древностям проявился в деятельности организованных тогда комплексных экспедиций во вновь обретенные земли, в ученых путешествиях В. Ф. Зуева, П. С. Палласа, П. П. Сумарокова и др. Описания древних памятников, оставленные ими, сохранили научную значимость до настоящего времени. Усиливающийся интерес к античным древностям, стремление пополнить ими частные коллекции и т. п., однако, имели и негативные последствия, выразившиеся в широком распространении грабительских раскопок.

Большие заслуги перед российской античной археологией принадлежат "родоначальнику керченской археологии" П. Дюбрюксу. Этот французский эмигрант открыл и зафиксировал остатки многих греческих поселений в районе Керченского пролива (древний Боспор Киммерийский), провел раскопки курганов, в своем доме устроил первое "древнехранилище". Интересы изучения и сохранения древностей настоятельно требовали организации на юге России сети государственных музеев. В 1803 г. в Николаеве был создан первый такой музей – Кабинет редкостей Черноморского Депо карт, в 1811 г. – Феодосийский музей древностей, затем музеи в Одессе (1825) и Керчи (1826).

В первые десятилетия XIX в. в области античной археологии были сделаны многие важные открытия, при этом важные по меркам современной науки. Почти все они приходится на окрестности Керчи. Здесь в 1820–21 гг. матросами гребной флотилии был раскопан скифский курган IV в. до н. э., находки из которого они

передали своему командиру. По его имени комплекс вошел в науку как курган Патиниоти. В 1830 г. была открыта знаменитая Куль-Оба, в 1832 г. – уникальный по конструкции склеп Золотого кургана. На следующий год начаты раскопки царского кургана, приведшие в 1837 г. к открытию самого грандиозного и впечатляющего из боспорских склепов с уступчатым перекрытием. В 1839 г. был исследован курган на землях мирзы Кекуватского, в сравнении с Куль-Обой по инвентарю достаточно скромный, но давший любопытный пример смещения греческих и туземных черт в погребальной обрядности. Хорошо известно, что эти выдающиеся открытия не только сопровождали, но в чем-то и стимулировали настоящее разграбление “золотоносных курганов” Боспора. Официальная установка ориентировала раскопщиков на получение первоклассных произведений греческого искусства для пополнений коллекции Императорского Эрмитажа. Эта установка исходила от “первого художника” империи – императора Николая I. Но историко-искусствоведческий подход к памятникам классической древности, разумеется, был характерен для многих видных деятелей науки того времени (А. Н. Оленин и др.), разделялся он и археологами, проводившими полевые изыскания.

Период зарождения и становления классической археологии в России, как принято считать, завершился ок. сер. XIX в. Это осознавалось исследователями прошлого (К. К. Герц, Ю. Ю. Марти) и подтверждается современными учеными (А. А. Формозов, И. В. Тункина). А. А. Формозов указывает на два важных события, подводящие итог первому этапу, и очень значимых для дальнейшего развития отечественной археологии, в особенности археологии античной, – создание Одесского общества истории и древностей (ООИД) в 1839 г. и ИАК в 1869 г.

Показательно, что именно к этому времени появляются не только исследования отдельных частных вопросов греческой истории Северного Причерноморья, но и обобщающие труды, в которых нашли отражение имеющиеся археологические материалы. Среди них – А. Б. Ашик “Боспорское царство” (1848), В. В. Григорьев “Цари Боспора Киммерийского” (1851), Б. В. Кене “Исследование об истории и древностях города Херсонеса Таврического” (1848), П. П. Сабатье “Керчь и Боспор” (1851), Г. И. Спасский “Боспор Киммерийский с его древностями и достопримечательностями” (1851).

мечательностями" (1846). Наконец, в 1854 г. были изданы "Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитаж", свод, без которого невозможно обойтись и современным исследователям Боспора.

В заключении следует обратить внимание на несколько характерных особенностей периода становления античной археологии в нашей стране:

1. Античная археология в это время занимала ведущие позиции в российской археологической науке.

2. Классическая археология в России начинает формироваться, в основном, как археология боспорская. В силу многих причин древности Боспора Киммерийского привлекали большее внимание ученых, чем древности других центров распространения античной культуры на северном берегу Черного моря (Ольвия, Херсонес). Археологические раскопки, разумеется, проводились не только в районе Керченского пролива, но они не находили необходимого отклика в научных и общественных кругах, ликвидация этого крена потребовала немалого времени.

3. Уже первые археологические открытия (кург. Патиниоти, Куль-Оба, Кекуватского и др.) очень наглядно продемонстрировали своеобразие северопричерноморской античной культуры. Классическая археология Северного Причерноморья с самого начала стала включать в себя древности не только собственно греческие, но и скифские.

4. Следует согласиться с В. Ф. Генингом, что античная археология на этом этапе исполняла роль поставщицы иллюстрирующего материала для истории культуры, литературы и искусства. Эти "родимые пятна" в полной мере не изжиты до сих пор.

А. Н. Щеглов, И. В. Тункина
(Санкт-Петербург)

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АНТИЧНОГО КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА В КРЫМУ

(конец XVIII – первая половина XX в.).

Начало фиксации следов и остатков древнего культурного ландшафта в Крыму было положено в конце XVIII в. русскими военными топографами, которые вели съемку окрестностей Севас-

тополя. В 1783 г. князь Г. А. Потемкин поручил К. И. Габлицу (с 1788 г. таврическому вице-губернатору) составить описание Крыма "по всем трем царствам природы" и выделил средства для производства топосъемок. В 1786 г. по распоряжению К. И. Габлица была выполнена широко теперь известная топографическая съемка Гераклейского п-ва с нанесением на нее видимой на поверхности сети древних дорог ("улиц") и развалин построек.

Уменьшенная копия плана 1786 г. и комментарий К. И. Габлица к нему были опубликованы митрополитом Евгением Болховитиновым в 1822 г., но без упоминания непосредственного исполнителя съемки. Опираясь на факсимиле плана, который хранился в собрании Одесского общества истории и древностей, А. Л. Бертье-Делагард (1893) посчитал, что автором топосъемки был Ананий Строков (Струков, Стрелов). С легкой руки В. Д. Блаватского, несколько раз публиковавшего уменьшенные копии плана в 50–60-х гг. нашего века, в русскую и мировую литературу он вошел под названием плана Строкова.

Однако в архивных документах есть упоминание, что подпоручик А. Строков был назначен таврическим областным землемером лишь 5 февраля 1788 г., т. е., спустя два года после данного плана, а 19 сентября того же года он был переведен на должность провиантмейстера Перекопской провиантской комиссии. Следовательно, автором топосъемки Гераклейского п-ва он быть не мог.

Нами в РГВИА обнаружена подлинная съемка 1786 г. с автографом К. И. Габлица. На плане стоит подпись "Чертил топограф 2 класса Пепелев". Таким образом, авторство безусловно принадлежит Пепелеву, а не Строкову. Наиболее вероятно, что именно этот экземпляр был преподнесен Екатерине II вместе с сочиненным Габлицем описанием Крыма во время ее путешествия в 1787 г. Еще одна уменьшенная и искаженная копия, составленная в 1-й пол. XIX в., выявлена нами в ЦГВМА.

План 1786 г. выполнен с высокой точностью (М 1:21000). Площадь съемки более 100 км². Он является первой в европейской науке тематической археолого-топографической картой, на которой отображены остатки античной межевой системы (*кадастра*) на аграрной территории греческого периферийного полиса Херсонеса Таврического. Первое описание остатков античного культурного ландшафта на Гераклейском п-ве сделано членом Петер-

бургской Академии наук П.-С. Палласом во время натурального обследования Гераклеийского п-ва в 1794 г. Есть основания думать, что он был знаком с картой, созданной по инициативе Габлица.

Считаем необходимым заметить, что второй, подобный херсонесскому греческий кадастр, но несравнимо худшей сохранности, был открыт и картографирован в Южной Италии в окрестностях Метапонта с помощью аэрофотографии Г. Шмидтом и Р. Шевалье спустя более 160 лет после первой топосъемки и научного обследования Гераклеийского полуострова. Изучение аграрного ландшафта Метапонта, ставшего классическим для западной периферии греческого мира благодаря усилиям Д. Адаместеану, велось под воздействием исследований на хоре Херсонеса на Гераклеийском п-ве, которые были начаты в конце XVIII в., но получили широкую известность только 50-х гг. уходящего столетия благодаря обмерам С. Ф. Стржелецкого. До настоящего времени аграрная структура Херсонесского территориального полиса остается единственным примером наиболее полно и всесторонне изученного культурного ландшафта в ареале расселения греков в средиземноморско-черноморском регионе.

Еще один документ, обнаруженный нами в ЦГВИА, заслуживает пристального внимания. Это "План древней развалившейся с городовым строением крепости Таврического Херсонеса, с показанием облегающей вокруг ситуации на 1 версту", название которого прямо указывает, что он составлялся целенаправленно как археолого-топографическая карта. План был снят методом глазомерной съемки в 1811 г. и подписан инженер-полковником Хапоновым. Чертил его инженер-поручик Лимудин. Ценность карты заключается не только в том, что она представляет собой документ, относящийся к истории археологии, но главным образом в том, что только на ней показаны уничтоженные и застроенные остатки античного культурного ландшафта в ближайших окрестностях Херсонесского городища, т. е. на той территории, которая не была охвачена съемкой 1786 г. Анализ плана в сопоставлении с современными материалами аэрофотосъемки показал высокую степень информативности документа для реконструкции херсонесского кадастра на Гераклеийском п-ве.

Следующая по времени археолого-топографическая карта Гераклеийского п-ва была составлена и опубликована швейцарским пу-

тешественником Ф. Дюбуа де Монпере (1841) с соответствующим описанием, в котором автор реконструировал древний культурный ландшафт. Но мало кому известно, что дневники и графические материалы Дюбуа де Монпере, относящиеся к началу 30-х гг. XIX в., хранятся в Архиве РАН в Санкт-Петербурге. Они являются важными документами для понимания хода научной мысли автора и объясняют допущенные им ошибки при формальном наложении дневниковых схем на весьма точную для начала XIX в. русскую военно-топографическую карту.

Дюбуа де Монпере был тем последним исследователем уже угасшего “века просветительства”, который завершил блестящую плеяду своих предшественников – направленных Петербургом в Крым просвещенных администраторов, военных топографов высочайшего класса и ученых-энциклопедистов.

Начиная с 30-х гг. XIX в. интерес к изучению древнего ландшафта и к комплексным региональным исследованиям угас. С этой точки зрения работы Э. Аркаса (Ираклийский полуостров и древности его) и П. Беккера (Herakleiotische Halbinsel) в сравнении с трудами Палласа и Дюбуа де Монпере значительно проигрывают, так как почти не несут в себе точной информации о археологических реалиях.

Ровно через сто лет после создания первой археолого-топографической карты, в 1886 г. Генштабом проводилась новейшая мензульная военно-топографическая съемка Севастополя и его окрестностей в крупном масштабе (1:21000). Лучший в то время знаток археологических памятников Крыма А. Л. Бертье-Делагард попросил военного топографа Тяпина, которому была поручена съемка двух планшетов в западной части Гераклеийского п-ва, нанести на топооснову все видимые на поверхности следы древних стен, валов и других руин. В результате была создана уникальная археолого-топографическая карта части античного *кадастра* (межевой системы) Херсонеса. Карта была издана Генштабом и сначала продавалась свободно, но очень скоро она получила гриф “секретно”. При последующих изданиях съемки 1886 г. в М 1:42000 археологическая нагрузка была с карты удалена.

Архивные данные, хранящиеся в ИИМК, свидетельствуют, что А. Л. Бертье-Делагард понимал, что карта Тяпина при всей объективности отображения археологической ситуации сделана не

археологом-профессионалом, а военным топографом. Поэтому она требовала проверки, детализации и исправления специалистом. Но в то время интересы науки стояли далеко в стороне от региональных и ландшафтных исследований.

В 1910–11 г. была предпринята еще одна независимая от предшествующих работ кон. XVIII – нач. XIX в. попытка изучения античного культурного ландшафта в Юго-Западном Крыму. Речь идет об открытии петербургским артиллерийским офицером Н. М. Печенкиным редчайшей по сохранности херсонесской межевой системы IV в. до н. э. на Маячном п-ве. Единственный, кто понял и объяснил значимость открытия Печенкина для археологии всего греческого мира, был М. И. Ростовцев. Он же сформулировал программу конкретных исследований и по сути дела наметил путь нового направления в античной археологии на уровне знаний, накопленных к началу XX в. Однако ни российская, ни мировая наука тогда еще не были подготовлены к тому, чтобы оценить важность идей Ростовцева и понять их.

Однако начатое дело не уясло. Полевые исследования возобновились в 20-х гг. Назначенный Археологической Комиссией в качестве заведующего раскопками Херсонеса Л. А. Моисеев стал первым, кто сверил карту 1786 г. с археологическими памятниками в Ю части Гераклеийского п-ва. Именно ему, а не С. Ф. Стржелецкому (как принято считать в современной историографии) принадлежит честь открытия и фиксации классической стандартной земельной площади на херсонесской хоре величиной в 26,5 га (420x630 м). Он же был первым, кто распространил свои поиски на территорию всего Западного Крыма. Однако его топографические съемки херсонесского кадастра исчезли вместе с его арестом. Нам их разыскать пока не удалось.

Большую лепту в изучение древнего ландшафта Гераклеийского п-ва внес до своего разгрома в нач. 30-х гг. Севастопольский музей краеведения (под руководством братьев В. П. и П. П. Бабенчиковых и научной эгидой Н. И. Репникова, который в свое время помогал Печенкину). В результате этих усилий, осуществленных с участием в разведках севастопольских школьников С. Н. Бибикова, А. Н. Бернштама, братьев В. П. и М. П. Веймарнов, С. Ф. Стржелецкого, которые стали впоследствии профессиональными археологами и внесли свой вклад в науку, был написан пе-

рвый в мировой археологии синтетический труд по изучению культурного ландшафта конкретного периферийного греческого полиса – Херсонеса Таврического. Книга была подготовлена к печати в ИИМК к концу 30-х гг. Н. И. Репниковым, В. П. и П. П. Бабенчиковыми. Она должна была быть напечатана в 1941 г. в Ленинграде. Но война поставила точку. Рукопись хранится в архиве ИИМК. Она, на наш взгляд, должна быть издана не только как памятник науки, описания и идеи авторов которого были позднее использованы (без ссылок!), но и как свод источников, многие из которых ныне утрачены.

Еще одну попытку дать реконструкцию херсонесского культурного ландшафта первых веков н. э., основанную на анализе карты Тяпина, сделал во 2-й пол. 30-х гг. сотрудник Херсонесского музея, вышедший из молодежи ГАИМК, В. П. Лисин. Он погиб в партизанском отряде в Крыму во время войны. Рукопись его диссертации хранится в архиве Херсонесского заповедника.

Изучение херсонесского кадастра в Юго-Западном Крыму возобновил в 1950 г. другой сотрудник Херсонесского музея, воспитанник Севастопольского музея краеведения и ГАИМК, С. Ф. Стржелецкий. Но это следующий этап, который лежит за пределами нашего сообщения. Отметим только, что работы С. Ф. Стржелецкого стали классическими в античной археологии средиземноморско-черноморского региона. Они продолжили то направление, которое мы вправе назвать традицией петербургской школы, начало которому было положено в кон. XVIII в. Конкретные исследования С. Ф. Стржелецкого, опубликованные в 1951–61 гг. и инициированная ими сводная работа В. Д. Блаватского о античном земледелии в Северном Причерноморье (1953) легли в основу современного систематического изучения хоры греческих полисов. Изложения результатов работ российских и украинских археологов в 50–80-х гг., сделанные Я. Печиркой и М. Дуфковой (Карлов университет, Прага) и А. Вонсович (ИИМК, Варшава), чьи обзоры систематически печатались в англо- и франкоязычных изданиях, надо думать, в немалой степени способствовали становлению и развитию ландшафтной археологии античного мира.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В КРЫМУ ДО 1917 ГОДА

Крымский п-в с его богатыми и уникальными памятниками истории и культуры различных эпох и многих народов – от палеолита до современности – на протяжении двух последних столетий находится в центре внимания ученых различных областей знаний и широкого круга местных исследователей-краеведов.

После присоединения в 1783 г. территории Крыма к России, началось активное освоение края, строительство новых городов, морских портов, на сооружение которых с разрешения Г. А. Потемкина и П. А. Зубова разбирались остатки древних укреплений и зданий. Царским манифестом от 15 февраля 1798 г. переселенцы получили различные льготы. В частности, 3-й пункт этого документа разрешал поселившимся в Феодосии и Евпатории “пользоваться камнем из древних развалин и лесом из казенных дач горной части Крыма”. Через два года манифест был отменен, но жители продолжали усердно ему следовать. При разрушении древних сооружений и могильников находили уникальные предметы, которые продавали, вывозили за границу или переплавляли.

Такое положение дел вызывало озабоченность среди прогрессивных деятелей России. В 1804 г. академик Петербургской АН Е. Е. Келлер, посетивший Крым, посчитал необходимым обратить внимание правительства на этот вопрос. На основании его доклада в 1805 г. правительством было издано распоряжение “Об ограждении от разрушений памятников древности в Крыму”. Но действие этого документа распространялось только на государственные земли. Частные землевладельцы распоряжались судьбой древностей на своих землях по своему усмотрению. Особая заслуга Е. Е. Келлера в том, что он предпринял первую попытку натурного обследования памятников Крыма, их регистрации.

В защиту уникальных памятников Крыма выступали также И. М. Муравьев-Апостол, В. В. и С. В. Капнисты, И. А. Стемпковский, И. П. Бларамберг, П. И. Кеппен. Так, в 1819 г. поэт и драматург В. В. Капнист, путешествуя по Крыму, увидел плачевное состояние древних сооружений. Он направил письмо министру

народного просвещения А. Н. Голицыну о их бедственном положении и необходимости принятия экстренных мер по их сохранению. В результате этого в Крым были направлены академик З. Е. Келлер и архитектор Е. Ф. Паскаль. Они подготовили списки памятников, которым требовался ремонт, а также списки тех памятников, над которыми предлагали установить надзор администрации губернатора и местной администрации. В перечень были включены памятники от Херсонеса до Балаклавы, укрепления Мангупа, мыс Ай-Тодор, Кафа, памятники в округе Судака, керченские древности и ряд других объектов. Средства на ремонтные работы были выделены только на те объекты, которые находились на государственных землях.

Активную позицию относительно охраны и изучения памятников Крыма занимал С. В. Капнист. Путешествуя по полуострову в 1822 г. с целью локализации древних городов, упомянутых в трудах древних писателей, он отмечал состояние памятников и отношение к ним местного населения. В обращении к А. Н. Голицыну он высказал предложение о целесообразности поручить чиновнику из Керчи охрану памятников и контроль за вывозом находок за границу; предполагалось выделять определенную сумму для этой работы. Администрация, военное и морское ведомства, Черноморский флот и порты должны были оказывать ему содействие и помощь. Но это предложение не было реализовано.

В 1823 г. предложения о принятии кардинальных мер по спасению памятников в Крыму изложил в докладной записке на имя М. С. Воронцова археолог-любитель, служащий канцелярии генерал-губернатора И. А. Стемпковский (будущий градоначальник Керчи). Он предлагал создать "Общество археологов", музеи. Цели "Общества" видел в сборе и систематизации палеографических и нумизматических памятников и их систематизации по "городам и народам". Ответом на его записку явилось создание музеев в Одессе (1825) и Керчи (1826). Кроме того были предприняты некоторые административные меры по определению правовой стороны проведения археологических раскопок.

В 1826 г. правительство России предприняло более действенные меры для прекращения расхищения ценностей и устранения безнадзорного состояния памятников – издается Указ "О сохра-

нении древностей и воспрещении разрушать оные". Но Указ не был эффективен. Грабежи памятников продолжались.

В 1834 г. М. С. Воронцов издал предписание "О дозволении отыскивать клады". В эти же годы был издан ряд правительственных указов, которые рассматривали вопросы ведения археологических раскопок и запрещали бесконтрольные поиски древностей. Они предусматривали передачу находок местным администрациям а также пересылку их в Санкт-Петербург.

Сдерживающим фактором самовольного разрытия курганов, правда в незначительной степени, послужили в уникальные находки в "Золотом" и "Царском" курганах (30-е гг. XIX в.), после которых правительство заинтересовалось археологическими раскопками на Юге России и стало их финансировать. Керченский музей стал рассматриваться как центр археологических раскопок в Крыму. А. Б. Ашик, В. Д. Корейша, К. Р. Бегичев, А. Е. Люценко, Ф. И. Гросс, В. В. Шкорпил и другие на протяжении многих десятилетий вели раскопки в окрестностях Керчи. Наиболее ценные находки составили в Эрмитаже уникальную коллекцию "Боспорских или Керченских древностей". В этот период изучаются не только керченские памятники. Раскопки и описания велись в Неаполе Скифском, Феодосии, Херсонесе.

О конкретных предложениях по сохранению памятников писал П. И. Кеппен, которого поддерживала администрация края. Ему была оказана материальная помощь для обследования памятников, предоставлены материалы Межевой комиссии. На основании своих исследований он в 1837 г. опубликовал книгу "О древностях Южного берега Крыма и Гор Таврических" ("Крымский сборник"). Но самовольные раскопки памятников продолжались, что послужило причиной публикации в периодических изданиях "Правил о находимых монетах и других вещах".

Благоприятные условия по объединению научных сил появились после образования в апреле 1839 г. ООИД, которое основной задачей ставило охрану и изучение памятников Новороссийского края. В течении полувека ООИД было единственным научным учреждением на юге России, занимающимся вопросами изучения и охраны памятников. На страницах "Записок", издаваемых ООИД с 1844 г., были опубликованы многочисленные статьи, посвященные памятникам Крыма. Благодаря мерам, пред-

принятым ООИД, были несколько упорядочены археологические раскопки. Общество выступало со многими инициативами по сохранению и изучению памятников, но малоэффективность существующих законодательных мер по охране памятников приводили к потере уникальных сооружений и музейных экспонатов.

С образованием в 1887 г. Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК) вопросы охраны памятников Крымского п-ва были включены в круг ее задач. В течение 30-летней деятельности ТУАК неоднократно поднимала вопросы охраны и сбережения памятников в Крыму. В 1889 г. было издано Высочайшее повеление ("О воспрещении самовольных раскопок на землях казенных и общественных"). ТУАК приняло самое деятельное участие по распространению текста Повеления на территории Таврической губ. Состояние памятников Таврической губ. вызывало серьезную озабоченность среди членов ТУАК. "Расхищение памятников стало чуть-ли не особым рода ремеслом... Спрашивается, каким образом создавались "керченские отделы" Лондонского, Берлинского, Парижского, и даже Нью-Йоркского музеев" – писал в письме в ТУАК директор Феодосийского музея Л. П. Колли.

Внести организацию в охрану памятников, сделать археологические изыскания правомерными, построенными на научной основе, в т. ч. и в Крыму, пыталось РАО, образованное в 1846 г. в Санкт-Петербурге, затем, основанное в 1864 г., МАО. По инициативе А. С. Уварова при МАО была создана "Комиссия по сохранению древних памятников". О необходимости налаживания системы охраны памятников в стране, их учета и изучения неоднократно подчеркивалось на археологических съездах, которые стали проводиться с 1869 г. С предложением по законодательным мерам выступили Министерство народного просвещения, ИАК. Все варианты закона имели один, практически неразрешимый пункт – о праве частной собственности на памятники. В связи с усложнившейся ситуацией Министерство внутренних дел в 1894 г. создает специальную комиссию по выработке "Основных положений по пересмотру действующих постановлений по охране древних сооружений и памятников. Новый проект "Основных положений" обсуждали учреждения и ведомства, научные общества. Революционные события 1905–1907 гг. в стране вынудили правительство свернуть работу по подготовке законодательства по охране памят-

ников. Вернулись к этому вопросу по настоянию общественности в 1911 г.. В 1911 г. в Гос. Думу были представлены предложения "О мерах к сохранению памятников древности". Этот проект предусматривал регистрацию и классификацию памятников. В Петербурге при Министерстве внутренних дел предполагалось создать Комитет по охране древностей. Право раскопок должно было принадлежать ИАК, включая и частные земли, предусматривалось также наказание за разрушение памятников. Этот проект вновь не решал вопрос об отчуждении памятников, находящихся в частном владении, что и стало основной причиной его непринятия.

В период революционных событий 1917 г. члены ТУАК пытались сберечь исторические и культурные ценности в Крыму. Они обращались с воззваниями к населению губернии через местную прессу. МАО изложило свои позиции в апреле 1917 г. в "Отношении ко всем ученым обществам и учреждениям о сохранении памятников в трудное время". В нем подчеркивалась важность сохранения памятников "древности, старины и искусства".

Таким образом, в дореволюционный период охраной памятников формально занимались ряд министерств и ведомств, а также научных обществ. Поэтому она была малоэффективной. Государственной системы охраны памятников, несмотря на многочисленные проекты, в России создано не было.

В. П. Никоноров
(Санкт-Петербург)

ВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РУССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Основанное в 1846 г., РАО претерпело реорганизацию в 1851 г., когда оно было разделено на три отделения, одним из которых стало Восточное. Очень скоро ВОРАО превратилось в один из ведущих востоковедческих центров России. В разные годы среди его действительных членов и сотрудников были такие замечательные ориенталисты как В. В. Григорьев, Н. В. Ханыков, Н. И. Веселовский, К. Г. Залеман, В. Р. Разен, В. В. Радлов, В. А. Жуковский, С. Ф. Ольденбург, В. В. Бартольд, Н. Я. Марр, Б. А. Тураев, К. А. Иностранцев, Я. И. Смирнов, Н. Г. Адонц, И. Ю. Крачковский, И. А. Орбели и др.; членами ВО были также выда-

ющиеся российские антиковеды С. А. Жебелев, М. И. Ростовцев и Б. В. Фармаковский. Деятельность Отделения включала проведение регулярных заседаний с участием его действительных членов и сотрудников, а также гостей, где заслушивались и обсуждались научные сообщения, решались организационные вопросы и т. п. и публикацию статей и протоколов Отделения в виде "Трудов" (вышли 22 части, 1855–98), "Известий" (5 выпусков, 1858–60) и "Записок" (25 томов, 1887–1921). Последнее издание, ЗВОРАО, основанное В. Р. Розеном, стало самым авторитетным в российском востоковедении. Возглавляли ВОРАО управляющие, текущую работу вели секретари; должности были выборными и замещались видными, наделенными организаторскими способностями учеными. На заседаниях и в изданиях ВОРАО активно обсуждали проблемы восточной древней и средневековой истории, филологии, археологии, нумизматики, письменной традиции, эпиграфики. Многие труды его членов вошли в золотой фонд российской ориенталистики. Как и РАО в целом, ВОРАО прекратило существование в 1924 г., а его члены перенесли свою деятельность в основанную в 1921 г. Коллегию востоковедов при Азиатском музее РАН, которая стала одним из учреждений, на базе которых в 1930 г. был основан Институт востоковедения АН СССР.

Хотя в силу разных причин практическая археология никогда не являлась профилирующим направлением в деятельности ВОРАО, его члены, тем не менее, прекрасно осознавая огромную важность археологии как источника получения новых данных, существенно дополняющих известия письменной традиции, для познания древней и средневековой истории и культуры стран Востока, неоднократно выдвигали для обсуждения на заседаниях Отделения инициативные проекты по организации полевых археологических исследований на азиатских территориях. Так, в 1891 и 1900 гг. обсуждались вопросы, связанные с созданием экспедиций для работ в Куче и Турфане (Восточный Туркестан). Особенно обстоятельным был проект, составленный Н. И. Веселовским, Д. А. Клеменцем и С. Ф. Ольденбургом под названием "Записка о снаряжении экспедиции с археологической целью в бассейн Тарима", который был обсужден на заседании ВО 27 января 1900 г. и затем направлен в Министерство финансов (которое, впрочем, отклонило ходатайство по его финансированию).

В 1914 и 1916 гг. рассматривался целый комплекс вопросов относительно организации археологической экспедиции в Ван (Турецкая Армения), который включал в себя ходатайства о ее финансировании, а также “Записку” о ее снаряжении и “Программу работ”; на заседании 15 декабря 1916 г. были вынесены на обсуждение предложения начальника Ванской экспедиции Н. Я. Марра о продолжении ее работ (которым так и не суждено было продолжиться по причине изменения ситуации на Закавказском фронте). Некоторые члены ВОРАО сами принимали активное участие в археологическом изучении восточных регионов. Так, Н. И. Веселовский совершил в 1894–95 гг. поездку в Среднюю Азию, где он провел раскопки на памятниках Сырдарьинской обл., Ферганы и, главное, на городище Афрасиаб в Самарканде. В 1895–96 и 1898–99 гг. он возглавлял специальную историко-архитектурную экспедицию на памятниках средневекового зодчества Самарканды. В. А. Жуковский в 1890 г. занимался археологическим исследованием Мерва, результатом явился классический труд “Развалины Старого Мерва” (1894), удостоенный в 1896 г. большой золотой медали РАО. В 1896 г. он совершил еще одну поездку в Закаспийскую обл., где изучал руины Нисы, Абиверда и Мейхене. В. В. Радлов возглавил в 1891 г. Орхонскую экспедицию в Монголии; этот выдающийся ученый-тюрколог начинал свою деятельность в качестве археолога еще в 60-е гг., когда он вел раскопки в восточноказахстанских землях и в Семиреченской обл. Как археолог работал в Средней Азии В. В. Бартольд, первая научная поездка которого туда состоялась в 1893–94 гг. В 1904 г. он работал на городище Афрасиаб. Этот замечательный востоковед стал одним из основателей Туркестанского кружка любителей археологии (ТКЛА), который за время своей деятельности (1895–1917) сыграл большую роль в становлении среднеазиатской археологии.

В Восточном (Китайском) Туркестане после экспедиции 1898 г. во главе с Д. А. Клеменцем (ставшего действительным членом ВОРАО в 1899 г.) работали две экспедиции, руководимые С. Ф. Ольденбургом (1909–10, 1914–15). В Закавказье Н. Я. Марр в течение 16 сезонов (1892–93, 1904–17) раскапывал средневековую армянскую столицу Ани; в 1916 г. вместе со своим учеником И. А. Орбели он исследовал урартскую столицу Ван. Правда, все названные ученые командировались на проведение раскопок и фи-

нансировались не ВОРАО, а другими учреждениями (ИАК, Академией наук, Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии и др.), однако все они, как правило, информировали коллег по Отделению о результатах своей полевой деятельности, причем последние принимали самое заинтересованное участие в их обсуждении. Кроме того, как уже указывалось выше, целый ряд важных проектов по археологическому изучению азиатских регионов был инициирован именно ВОРАО.

Д. Абдуллоев
(Санкт-Петербург)

СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В РАИМК—ГАИМК—ИИМК

18 апреля 1919 г. взамен ИАК была создана Российская Академия истории материальной культуры (РАИМК), в 1926 г. она была переименована в Гос. Академию истории материальной культуры (ГАИМК), а в 1937–59 гг. называлась Институтом истории материальной культуры (ИИМК). Сектор Средней Азии института, который занимался археологическим изучением Туркестанского края, возглавлял В. В. Бартольд. Помимо собственно археологических изысканий, в секторе также занимались вопросами ремонтно-реставрационных работ на архитектурных памятниках Средней Азии. Именно этому была посвящена поездка В. В. Бартольда в Туркестан в 1920 г. В 1921 г. под руководством А. П. Удаленкова организована архитектурно-археологическая экспедиция РАИМК в Самарканд; в составе экспедиции работал известный художник Петров-Водкин. Были выполнены обмеры, чертежи и рисунки верхней и средней группы мавзолеев и двух безымянных мавзолеев по западной стороне ансамбля Шахи-Зинда. В 1926 г. сотрудник Сектора Средней Азии А. Ю. Якубовский был командирован в г. Шахрисябз: он произвел осмотр и фотофиксацию Ак-Сарая (остатки дворца Тимура), мечети Улугбека, развалин мечети Тимура и мавзолеев, связанных с именем шахрисябзского шейха Шамседдина Кулала. В 1927 г. отряд А. Ю. Якубовского проводил фиксационные археологические исследования на городищах Сигнак и Узгент, а в 1928–29 гг. — в Хорезме (осмотр, фиксация и сбор подъемного материала на городище Куны-Ургенч). Был сделан вывод о восстановлении Куны-Ургенч по-

сле монгольского нашествия на старом месте. Одновременно с изучением Ургенча сотрудниками экспедиции было исследовано городище Миздахкан. Цитадель Миздахкана была отнесена к X в., а городище — к домонгольскому и послемонгольскому периоду. В 1934 г. А. Ю. Якубовский организовал совместную экспедицию ГАИМК и Гос. Эрмитажа для изучения археологических памятников Бухарской области. В результате этих работ был собран материал по истории Кампыр-Дувала и городищ Тававис, Хазари, Дабусии, Арбинджана. Важное открытие экспедиции — обнаружение в селении Хазара мечети, относящейся (по определению А. Ю. Якубовского) к кон. VIII — нач. IX вв. Работы этой экспедиции продолжились в 1939 г.: 1-й отряд вел раскопки поселения Тали-Барзу и городища Кафыр-кала вблизи Самарканда, 2-й отряд исследовал городище Пайкенд около Бухары. В 1934 г. экспедиция ГАИМК под руководством Г. В. Григорьева вела исследования в Янгиюлском р-не Узбекистана; материалы этих раскопок известны в настоящее время как «каунчинские». При раскопках поселения Тали-Барзу Г. В. Григорьевым в 1936–39 гг. были выявлены 6 культурных слоев от I тыс. до н. э. до VIII в. н. э.

В 1936 г. под руководством А. Н. Бернштама начинается археологическое изучение Семиречья. В 1936–38 гг. проведены раскопки на городище Тараз: вскрыты пять культурных слоев, охватывающих периода от V до XIX вв. В Талаской долине исследованы несколько курганов кочевников I в. до н. э. — II в. н. э. В дол. р. Чу экспедиция осмотрела развалины городища Ак-Бешим. В 1939 г. А. Н. Бернштам основные работы производил в дол. р. Или: исследовались Кенкольский и Беркаринский могильники эпохи ранних кочевников (III в. до н. э. — II в. н. э.).

Археологические исследования Хорезма связаны с Московским Отделом ГАИМК. В 1934 г. М. В. Воеводский провел здесь археологическую разведку (осмотрено 9 городищ и крепостей), а с 1937 г. под руководством С. П. Толстова начинается планомерное изучение Хорезма. В 1937–38 гг. Хорезмская экспедиция вела исследования в районе т. н. «мертвого оазиса» — было выявлено более 60 укрепленных усадеб и замков V–VIII вв., проведены раскопки замка Тешик-кала и двух укрепленных усадеб.

Широкомасштабные археологические исследования Средней Азии начались после окончания Великой Отечественной войны. В

1946–48 гг. Южно-Казахстанская экспедиция ИИМК под руководством А. Н. Бернштама проводила археологические исследования Отрарского оазиса. Здесь были выявлены городища, поселения и могильники, относящиеся ко времени от VII–V вв. до н. э. до XII в. н. э. В 1946–50 гг. Памиро-Ферганская археолого-этнографическая экспедиция А. Н. Бернштама производила исследования в Узбекистане (в Ферганской обл.) и в Таджикистане (на Памире): выявлен ряд городищ, поселений, крепостей и могильников от II тыс. до н. э. до XII в. н. э.

Многолетние систематические исследования Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (рук. С. П. Толстов) обнаружили остатки разновременных памятников – городищ, поселений, замков, усадеб, начиная с эпохи энеолита до эпохи средневековья (Джанбас-кала, Кой-Кырилган-кала, Ковад-кала, Яке-Парсан и др.). Наиболее ярким памятником античного времени является Топрак-кала, где открыты остатки дворца Хорезмшахов с великолепной глиняной скульптурой и живописью.

Систематические археологические исследования в Таджикистане начались после Великой Отечественной войны. В 1946 г. организована совместная Согдийско-Таджикская (позднее Таджикская) экспедиция ИИМК, Гос. Эрмитажа и Таджикстанского филиала АН СССР. В 1946–53 гг. экспедицией руководил А. Ю. Якубовский, а после его смерти – М. М. Дьяконов и А. М. Беленицкий. В 1946–47 гг. экспедиция работала двумя отрядами: первый вел изучение памятников в Северном, второй – в Южном Таджикистане. Основное внимание первого отряда было сосредоточено на развалинах древнего Пенджикента: здесь были начаты раскопки в кухендизе и в жилой башне последнего; в Шахристане были начаты раскопки здания №1 (ныне известен как первый храм); кроме того, производились археологические разведки в басс. Зарафшана. Вторым отряд (рук. А. М. Беленицкий, затем – М. М. Дьяконов) работал в дол. р. Вахш и в Шаартузском р-не (обследованы 13 городищ и ок. 50 тепе), а затем – в дол. р. Кафырниган (раскопки могильника Туп-хана в Гисарском р-не). Согдийско-Таджикская экспедиция в 1948–50 гг. продолжала раскопки древнего Пенджикента. Отряд экспедиции, возглавляемый М. М. Дьяконовым, исследовал низовья р. Кафырниган, где были выявлены ряд курганов, городищ и поселений и произведены рас-

копки городища Кала-Мир. В Северном Таджикистане была проведена археологическая разведка древней Уструшаны.

Таким образом, в 1919–26 гг. основное внимание Сектора Средней Азии РАИМК было уделено осмотру и описанию археологических и архитектурных памятников, раскопки почти не проводились. В 1927–36 гг. сотрудниками ГАИМК, наряду с осмотром и описанием археологических и архитектурных памятников, были произведены незначительные археологические раскопки (Г. В. Григорьев, А. Н. Бернштам). В 1937–59 гг. в ИИМК совместно с другими учреждениями создаются комплексные экспедиции. С основанием этих экспедиций начинается масштабное и систематическое археологическое изучение Средней Азии и Казахстана.

Большинство сотрудников Сектора Средней Азии РАИМК–ГАИМК–ИИМК были не археологами, а историками-востоковедами. Но несмотря на это, они создали хорошую среднеазиатскую археологическую школу.

Б. Я. Ставиский
(Москва)

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Из всех регионов Российской империи, СССР и СНГ раньше всех на арену мировой истории, получив освещение в текстах и сочинениях древних авторов, вступили Закавказье и Средняя Азия. Там и располагаются известные ныне наиболее монументальные и эффектные памятники не только древнейших “доисторических” культур, но и великих цивилизаций древности и средневековья. И если, войдя в состав Ахеменидского “царства стран” VI–IV или “всемирной империи” Александра Македонского конца IV вв. до н. э., Средняя Азия оставалась все же на периферии древневосточного мира и античной Ойкумены, то начиная с III в. до н. э. она в течение более полутора тысячелетий не раз оказывалась родиной или ядром многих государств, оставивших яркий след в истории человечества: форпоста античности в сердце Азии – эллинистического Греко-Бактрийского царства III–II вв. до н. э.; среднеазиатско-индийской Кушанской империи, одной из четырех могущественнейших держав Старого Света первых веков н.

э.; блестящих государств средневекового мусульманского мира Саманидов, Караханидов, Сельджукидов. Когда же с востока направились волны монгольских завоеваний, Средняя Азия, как и Древняя Русь и Волжская Булгария, приняв на себя первый натиск кочевых завоевателей и пав под копыта их коней, заслоняла собой мусульманскую и христианскую цивилизации. Оправившись от нашествия орд Чингисхана (правда, тем же путем ограбления многих стран и народов), Средняя Азия вновь в кон. XIV–XV вв. пережила недолгий, но яркий взлет культуры и искусства при Тимуре и Тимуридах, а один из потомков грозного среднеазиатского повелителя – Бабур основал империю Великих Моголов в Индостане. Но все нарастающее в силу многих причин, в т. ч. и роста морской и океанической торговли в ущерб трансконтинентальной, отставание Востока и Средней Азии, в частности, обусловило хозяйственный застой и упадок некогда передового центра культуры, науки и искусства...

Изучение богатейшего культурного наследия среднеазиатских народов, а особенно бурное развитие археологии Средней Азии, явились одним из ярчайших достижений российской и советской науки. При этом исследования археологических памятников среднеазиатских республик осуществлялись в гораздо более сжатые сроки чем, например, Древнего Египта. Периодизация истории археологии Средней Азии приводилась в опубликованных в советское время обзорах, в частности, В. И. Авдиева, С. П. Толстова, А. Н. Бернштама, М. Е. Массона и пр. Насыщенные нередко большим фактическим материалом, эти обзоры испытывали мощный идеологический нажим “марксистской исторической науки”, в силу чего не всегда объективно отражали состояние досоветской, да и советской среднеазиатской археологии (во всех таких обзорах, напр., началом ее считается октябрь 1917 г.).

Первоначальный этап накопления, часто случайного, сведений об отдельных археологических (и архитектурных) памятниках Средней Азии начался еще в средние века, когда о таких памятниках сообщали путешественники, послы, купцы, миссионеры, посещавшие дворцы среднеазиатских монархов – наследников Чингисхана и Тимура, шейбанидских ханов и эмира Бухарского. В самой Средней Азии местные владельцы, как и феодальная знать в Европе, собирали коллекции ценного оружия, золотой и

серебряной посуды, ювелирных украшений, богатых одежд, тканей и иных раритетов. Однако должное изучение этих сокровищ, не говоря уже о менее престижных памятниках старины, в регионе тогда не велось. Бывали, однако, и исключения. Одним из них был, к примеру, труд "Самария", написанный в 30-х гг. XIX в. сыном главного мусульманского судьи-казия Самаркандского вилайета Абу-Тахиром-ходжой, который описал находившиеся в самаркандских некрополях надгробия со средневековыми надписями (через несколько десятилетий этот труд стал известен в Европе).

Более интенсивное изучение археологических памятников началось после включения большей части Средней Азии в состав Российской империи во 2-й пол. XIX в., когда ранее закрытые для российских (и европейских вообще) востоковедов, историков, археологов, этнографов и ученых иных специальностей земли Кокандского и Хивинского ханств, Бухарского эмирата и других феодальных владений стали, наконец, доступны для исследователей. С 1859 по 1894 гг. Среднюю Азию по поручению различных учреждений России посетили такие видные ученые как П. П. Лерх, В. В. Радлов, А. Л. Кун, Н. И. Веселовский, В. А. Жуковский и другие, внесшие крупный вклад в изучение ее историко-культурного прошлого, в том числе и в исследование археологических памятников – городищ, погребений, произведений нумизматики, эпиграфики, отдельных видов вещественных находок. Методика раскопочных работ, особенно их документация, были тогда разработаны слабо. Однако комплексный, как принято сейчас говорить, подход к описанию развалин – сбор как можно более широкого круга свидетельств письменных источников о городище и сопоставление их с топографией местности, – стал образцом для всего последующего пятидесятилетия. Работы 1859–94 гг., а особенно, первое посещение в 1893–94 гг. Средней Азии В. В. Бартольдом, послужили мощным толчком к включению в изучение археологических памятников региона по-европейски грамотных (или пытавшихся казаться такими) представителей военной и гражданской колониальной администрации и даже отдельных местных купцов и предпринимателей. Члены образовавшегося в 1895 г. Туркестанского кружка любителей археологии в Ташкенте, пользовавшегося покровительством генерал-губернатора и научными консультациями В. В. Бартольда, не только до 1917 г., но

и в первое десятилетие советской власти активно способствовали расширению (и углублению) знаний о “памятниках старины” региона. Вспомним, для примера, В. Л. Вяткина, местного востоковеда-краеведа, производящего раскопки и руководившего охраной памятников как в досоветское время, так и после октября 1917 г.

Началом нового этапа истории археологического изучения Средней Азии следует считать первую крупную археологическую экспедицию советских ученых в регион в 1926–28 гг., возглавляемую директором московского Музея Восточных Культур проф. Б. П. Денике, концом – 1991 г., время распада СССР. На этом этапе в исследовании археологических памятников Средней Азии принимают участие ученые нового – советского поколения исследователей, поскольку главные деятели предыдущего этапа (напр., В. В. Бартольд в России или В. Л. Вяткин в Узбекистане) уходят из жизни. Участие в археологическом изучении Средней Азии в советское время фактически было запрещено иностранным ученым, так что работы здесь вели либо российские (в основном – московские и ленинградские), либо воспитанные ими местные – среднеазиатские исследователи. Организуют же и археологические экспедиции, и охрану археологических и архитектурных памятников региона государственные научные учреждения, которые и выделяют на эти цели бюджетные ассигнования. При этом преобладающая роль ученых России в работах предвоенных лет и в первые десятилетия после победоносного завершения Великой Отечественной войны, постепенно уменьшается. Доля же среднеазиатских республиканских научных учреждений и количество местных кадров, участвовавших в полевых исследованиях, все более возрастают. Так, если в 1930–50-е гг. из 6 наиболее крупных экспедиций в Средней Азии 4 были созданы и возглавлялись московскими и ленинградскими учеными, а местных руководителей (М. Е. Массона и Я. Г. Гулямова) имели только 2, то в кон. 1980-х гг. большинство экспедиций, работающих в Средней Азии, возглавляли местные (нередко – русскоязычные) исследователи. Широкие исторические и историко-культурные разработки, касающиеся всего региона, оставались, однако, как правило, прерогативой ученых Москвы и Ленинграда. Но, при всем при том, археологическое изучение Средней Азии на этом этапе характеризовалось тесным сотрудничеством российских и среднеазиатских исследо-

вателей, а ассигнования на археологию в республиках Средней Азии осуществлялись по-прежнему из общесоюзного бюджета, т. е., в конечном счете, за счет дотаций из центра державы.

Провозглашение суверенитета всеми прежними союзными республиками СССР и распад этой, оказавшейся отнюдь не монолитной, державы существенным образом сказались на археологическом изучении Средней Азии. Во-первых, в каждой из среднеазиатских республик восторжествовала тенденция к исследованию памятников археологии в основном только на своей территории, чему способствовала и острая нехватка средств на научные проекты вообще. Во-вторых, в сильной степени нарушились связи с российскими учеными, которых некоторые местные политические деятели и националистически настроенные ученые, в основном из числа необъективно ориентированной молодежи, намерены вытеснить из числа активных исследователей археологии Средней Азии. И, наконец, в-третьих, в регион активно внедряются японские, американские, французские, германские, британские ученые. Имея, в отличие от местных и российских коллег, внушительные средства на раскопки, а к тому же обладая опытом работы в других азиатских странах, где нередко они не могут теперь работать в силу политических и иных причин, эти ученые охотно идут на создание совместных экспедиций с местными, а то и российскими исследователями. На данном этапе эти ученые действительно могут способствовать и на деле способствуют дальнейшему изучению археологии не только отдельных суверенных республик, но всего среднеазиатского региона в целом. К тому же в полевых условиях особенно плодотворно идет обмен опытом, в частности, в методике археологических исследований.

К. Х. Кушнарева
(Санкт-Петербург)

ПЕТЕРБУРГ—КАВКАЗ. НАУЧНЫЕ СВЯЗИ
(по материалам Азербайджанской экспедиции)

Петербургская археологическая школа внесла неоценимый вклад в дело изучения далекого прошлого Кавказа. Ее виднейшие представители (А. А. Иессен, Б. Б. Пиотровский, А. П. Круглов, В. Г. Котович, В. П. Любин и др.) создали целые направления в

кавказской археологии, организовали крупнейшие экспедиции, открыли десятки памятников широкого хронологического диапазона (палеолит, бронза, раннее железо, средневековье), опубликовали множество исследований. Важнейшую роль сыграла петербургская школа и в деле подготовки молодых ученых, образующих ныне передовой отряд археологов-кавказоведов как в Петербурге, так и в научных центрах Кавказа.

Среди корифеев кавказской археологии особое место принадлежит А. А. Иессену – великолепному полевому исследователю, тонкому знатоку и интерпретатору археологических источников, ученому – историку в полном смысле этого слова. Научные и организационные способности А. А. Иессена с особой наглядностью реализовались во время его многолетнего (1953–60) руководства Азербайджанской (оренкалинской) экспедицией – одной из крупнейших на территории Закавказья. В петербургскую группу от Института археологии входили начальники отрядов А. Л. Якобсон и К. Х. Кушнарева, сотрудники Эрмитажа – А. А. Иерусалимская и Д. С. Раппопорт. Работая бок о бок с азербайджанскими археологами (И. Г. Нариманов, Г. С. Исмаилов, О. Ш. Исмизаде и др.) при постоянном контакте с А. А. Иессеном, создававшим вокруг себя подлинно творческую атмосферу, мы проходили серьезную школу полевых работ, учились видению открытых памятников в пространстве и во времени, приобщались к историческому мышлению, брали у нашего Учителя уроки высокой интеллигентности, демократизма и интернационализма.

Поставленная первоначально главная задача экспедиции – раскопки средневекового городища Орен-Кала – по мере прояснения реальной обстановки была скорректирована. Перед экспедицией возникли новые, более широкие проблемы. Вокруг городища на многие километры простиралась Мильско-Карабахская степь, фактически не тронутая лопатой археолога. Предстояло хотя бы в первом приближении воссоздать ее историческое прошлое. Хронологический и территориальный диапазон исследований, целью которых стала реконструкция древних и средневековых вех истории степей Восточного Закавказья, а также постановка и усиленное решение ряда историко-культурных проблем Кавказа в целом, были обусловлены в первую очередь широтой интересов, блестящей эрудицией и всем складом научного мышления А. А. Иессена

– одного из выдающихся представителей петербургской археологической школы.

Результаты работ экспедиции, реализованные в 3-х объемистых томах и множестве статей ее участников, сводились к следующему:

1) Составлена карта археологических памятников Мильско-Карабахской степи.

2) Открыта и изучена новая, неизвестная ранее древнеземледельческая энеолитическая культура и определено ее историческое место в системе культур Переднего Востока.

3) Изучено ключевое поселение куро-аракской культуры (Кюль-тепе) с его четкой стратиграфической колонкой от энеолита до раннего железного века.

4) В уроч. Уч-тепе раскопан один из гигантских курганов сер. III тыс. до н. э.; предполагавшееся здесь погребение племенного вождя указывало на далеко зашедшую стратификацию общества.

5) Осуществлены широкомасштабные раскопки первого южнокавказского поселения эпохи средней бронзы Узерлик-тепе, позволившие восстановить картину комплексного хозяйства того времени, а также определить его роль форпоста между земледельческими и кочевыми племенами.

6) Проведены рекогносцировочные работы в Нагорном Карабахе на известном Ходжалинском мог. эпохи поздней бронзы и в его окрестностях, уточнена стратиграфия памятника, раскопаны одновременные погребальные комплексы, открыта и изучена огромная каменная ограда для защиты скота на скотопрогонном пути из степи на пастбища Карабаха.

7) Открыты и изучены памятники I тыс. до н. э. – “Малый курган” с его богатым конским захоронением, сезонное поселение скотоводов в уроч. Уч-тепе, укрепленное поселение с сырцовой архитектурой Кара-тепе.

Таким образом, было установлено, что в древности степь жила динамичным многоукладным хозяйством – в орошаемых оазисах процветало земледелие и скотоводство, здесь располагались небольшие, окруженные стенами стационарные поселения с прочной сырцовой архитектурой. В пустынных межозисных районах в зимние месяцы обитали скотоводы, они создавали недолговечные поселки другого типа – землянки, пустовавшие с ранней весны до

глубокой осени. Между обитателями этих функционально различных хозяйственных комплексов осуществлялись постоянные экономические связи.

Памятники I тыс. н. э. и позднего средневековья, изученные экспедицией, принесли не менее ощутимые результаты:

1) Открыто городище у с. Тазакенд, которое предположительно идентифицировано с упоминаемым в письменных источниках городом Пайтакараном.

2) Получены бесспорные доказательства отождествления городища Орен-кала с городом Байлаканом.

3) Установлено время его основания, подтверждающее письменную версию.

4) Определен период выделения "Малого города" с его мощными оборонительными сооружениями.

5) Изучен ремесленный квартал, примыкавший к городу.

6) Добыт массовый материал, воссоздающий различные стороны жизни города.

Азербайджанская экспедиция ввела в научный оборот огромный и принципиально новый материал, позволивший реконструировать основные этапы культурного и социально-экономического развития Восточного Закавказья с эпохи энеолита до позднего средневековья. В трудах, изданных коллективом экспедиции, Кавказ на протяжении этого длительного периода рассматривается не изолировано, а в тесной взаимосвязи с окружающим его миром. Результаты работ экспедиции явились определяющим этапом в новом видении прошлого Кавказа, что дало мощный импульс к дальнейшему развитию кавказской археологии. И в этом немалая заслуга петербургской археологической школы.

Н. И. Платонова
(Санкт-Петербург)

ПРЕДСЕДАТЕЛИ ГАИМК – Н. Я. МАРР и Ф. В. КИПАРISOV

В истории ГАИМК было два поворотных момента, когда именно там на годы и десятилетия вперед определялось будущее российской археологии – ее основные принципы, стандарты и структура. И оба раза во главе академии находилась личность, представлявшая собой своеобразный символ и сколок своего вре-

мени, личность, выразившая эту эпоху до конца, несмотря на двойственность и трагедию собственного внутреннего мира. Первым из этих людей был Николай Яковлевич Марр, вторым – Федор Васильевич Кипарисов.

Академия возникла в тот критический для русской археологии момент, когда все, созданное прежде, казалось, висело на волоске – научные структуры и связи, коллекции, архивы и библиотеки, даже жизнь ученых. Чтобы уберечь это от гибели, надо было найти ему место в необратимо изменившемся мире, “вписаться” в этот новый мир, заключить с ним соглашение. Во главе дела стал человек, который по праву считался одним из самых блестящих организаторов археологической науки в России в предреволюционное десятилетие – Н. Я. Марр. Это был профессиональный историк культуры, очень плодотворно работавший в области филологии, фольклористики, эпиграфики и археологии. Полевая археология занимала очень большое место в его деятельности. За плечами у Марра к 1918 г. насчитывалось 17 напряженнейших полевых сезонов в Закавказье. В Ани – древней столице Армянского царства – им было раскопано 5 церквей, царский дворец, гостиницы, бани, центральная улица, квартал бедняков и т. д. Раскопки производились на очень высоком уровне, хотя собственные научные интересы Н. Я. Марра были сосредоточены на истории архитектуры, орнаментики и эпиграфических памятниках.

Судьба археологического наследия Марра трагична. Полевая документация Ани была почти полностью уничтожена при разграблении поезда, перевозившего ее из Петрограда в Тифлис в кон. 1917 г. Коллекции находок, хранившиеся в созданном самим Марром анийском музее, погибли в 1918 г., во время турецкого разгрома Ани. Исчезновение дневников и чертежей в свое время дало повод к обвинению Н. Я. Марра в низком профессиональном уровне ведения раскопок (Арциховский 1952). Однако внимательное изучение сохранившихся “осколков” анийской документации приводит к иному выводу.

Деятельность Марра-организатора в предреволюционный период была удивительно плодотворной. За несколько лет на месте запустелого городища в армянском захолустье им был создан крупный центр археологического изучения Закавказья. Там появилось 2 музея (эпиграфический и археологический), библиотека,

кабинет для научных занятий, дом из 10 комнат для приезжих ученых, мастерские. Даже древний водопровод, открытый раскопками, Н. Я. Марр сумел частично реконструировать для подачи воды на городище. При музеях было налажено экскурсионное дело. “Спонсоры” для финансирования этого гигантского предприятия многие годы изыскивались Марром самостоятельно, зато, когда археологический центр был уже создан, он сумел провести через Государственную Думу закон о финансировании дальнейших исследований в Армении за счет казначейства. Одновременно, стараниями Н. Я. Марр, все пространство древнего города Ани было изъято из казенных оброчных статей и передано в ведение анийского музея. В придачу музей получил от государства большой участок земли для получения с него доходов на реставрацию и ремонт памятников. Чтобы добиться всего этого, потребовались годы. Бюрократическая машина старой России, способная похоронить в недрах любое дело, постепенно сдавалась под напором бешеной энергии Марра, сдавалась и начинала послушно выполнять его требования.

Именно блестящий талант организатора и невероятная настойчивость Н. Я. Марра выдвинули его вперед в переломном 1918 г. Он не боялся никаких бюрократов – ни царских, ни советских. Безошибочное чутье конъюнктуры и дар дипломата всегда указывали ему кратчайший путь к цели. На этом пути ему приходилось входить в новую для себя роль, жертвовать, хитрить, лицемерить... Ведя опасную игру дальше, он неизбежно должен был переступить порог, за которым верность науке оборачивалась изменой ей, а созидание – разрушением. Печальному исходу способствовала нервная болезнь, постигшая Н. Я. Марра в нач. 1920-х гг. Но даже это не умаляет огромной заслуги Марра перед русской археологией в 1918–19 гг. Он должен был на практике создать структуру, способную выжить в новых условиях, и он ее создал.

Вторым поворотным моментом в истории ГАИМК (да и всей российской археологии) явился период “великого перелома”. И обстановка в академии, и структура ее изменились тогда до неузнаваемости. В 1919 г. “могучая кучка” ученых во главе с Н. Я. Марром создавала, в сущности, академию археологии, объединяя в ней (впервые на русской почве!) археологию первобытную с “исторической” и искусствоведческой. Они создавали академичес-

кий центр, который должен был не отменить, а, напротив, узаконить и скоординировать деятельность других археологических учреждений России. Они создавали надежную “крышу” для всех ученых-гуманитариев Петрограда, независимо от их политической ориентации. В 1920-х гг. эти установки не раз подвергались атакам, но так и остались не поколебленными. Лишь в 1930 г. сотрудиникам пришлось узнать, что они занимаются не “предметами раскопок”, а воссозданием строя древних обществ. Они узнали также, что стране не нужно больше одного учреждения, занятого историей материальной культуры, ибо это срывает выполнение пятилетнего плана. Узнали и то, что от 50% их самих необходимо освободиться... Человеком, которому принадлежали эти слова, был Ф. В. Кипарисов. Именно он был поставлен у руля ГАИМК в 1928 г. при живом еще Н. Я. Марре, и он стал впоследствии его преемником. Кто он был? Филолог-классик по образованию, способнейший неудачник с задатками большого ученого, так и не сумевший реализовать их должным образом. В 1905 г. его оторвала от учебы к научной среде революция, в 1908 г. – семейная трагедия. Затем – министерство Л. А. Касса, закрывшее двери университета перед бывшим “неблагонадежным”... Лишь в 1912 г. Ф. В. Кипарисов сумел вернуться к занятиям в Петербургском университете. К моменту окончания ему было уже за 30. Его дипломное сочинение о древнегреческих говорах представляло собой блестящую работу с остро критической направленностью. Объектом критики стала диссертация М. Р. Фасмера “Исследования в области древнегреческой фонетики”, и это смутило ученый совет, только что присудивший за эту работу степень доктора. В общем, Кипарисову опять не повезло. Соломоново решение совета опубликовать лишь “наименее скандальную” для М. Р. Фасмера часть работы он воспринял болезненно, Видимо, с нею связывалось немало надежд... Вскоре здоровье его пошатнулось, и он уехал из Петрограда. На научной карьере был поставлен крест.

Ни в революции 1917 г., ни в гражданской войне Ф. В. Кипарисов не принимал участия. Однако давнее членство в РКП(б) в 1905–1907 гг., швейцарское знакомство с Зиновьевым и Лениным положили начало его карьере ответственного сотрудника в 1920 г. Назначение в 1928 г. в ГАИМК было для него понижением, однако он еще считался в силе. Тут и произошла встреча с быв-

шим учителем С. А. Жебелевым, когда-то назвавшего аргументацию Ф. В. Кипарисова “убийственной” для М. Р. Фасмера. Знать бы профессору, кем предстанет перед ним тот способный, но незадачливый студент 13 лет спустя!

Проводя порученную линию с каторжной честностью, Ф. В. Кипарисов пытался остаться честным перед самим собой... когда мог. В ГАИМК его считали добрым человеком. Он не усердствовал в травле, а порою своей властью прекращал ее... когда мог. Его единственная научная работа этого периода не лишена интереса. В ней (впервые в советской науке) ставился вопрос, что же именно делает археологический объект историческим источником? Интересный этюд не получил продолжения, и вскоре был прочно забыт. Ф. В. Кипарисову фатально не везло в науке.

До 1937 г. он не дожил. Погиб в 1936-м. Вероятно, тут сыграли роль давнее доброе знакомство с Зиновьевым, когда-то послужившее к его возвышению. А вскоре после гибели Кипарисова простилась с жизнью и изуродованная ГАИМК... чтобы воспрянуть в 1939 г. под руководством М. И. Артамонова, как слаженно и плодотворно работающий академический институт – ИИМК АН СССР. Уходила эпоха, менялись люди, но российская археология все-таки оставалась жива.

**А. Хойслер
(Галле)**

ЭРНСТ ФОН ШТЕРН, АРХЕОЛОГ В ОДЕССЕ И ГАЛЛЕ

Эрнст Романович фон Штерн был археолог, имя которого известно как в Восточной Европе, особенно в Одессе, так и в Германии – особенно в Галле. Э. фон Штерн (26.VI.1859–27.IV.1924) был на протяжении почти двух лет (1921–23 гг.) ректором университета в Галле. После трагической потери своего талантливого сына он переехал в 1910 г. из Одессы в Галле и был здесь более 12 лет одним из преподавателей философского факультета.

В начале его научной жизни нельзя было предположить, что судьба будет бросать Э. фон Штерна то в Одессу, то в Галле. После окончания гимназии в Дерпте (современном Тарту) он учился при семинаре по классической филологии, незадолго до того основанном русским правительством в Лейпцигском университете.

Здесь на протяжении 3 лет он изучал древние языки и историю, и получил сначала чисто сначала филологическое образование. В 1882 г. Э. фон Штерн получил степень магистра в Дерпте, в 1894 – степень доктора. После этого он отправился в качестве приват-доцента по классической филологии в Одессу, а затем расширил свое знание русского языка в Санкт-Петербурге в качестве сотрудника министерства. В Одессе Э. фон Штерн окончательно превратился в историка. Здесь он стал в 1886 г. внештатным, а в 1888 г. штатным профессором и проявил неординарный организаторский талант. Он был многие годы деканом историко-филологического факультета, а также ректором женского факультета, основанного профессорами университета. Подъем археологии в Одессе был связан в первую очередь с энтузиазмом Э. фон Штерна. Он активно участвует с 1891 г. в работе Одесского Общества истории и древностей и берет на себя наиболее сложные работы. Он становится директором музея этого общества в Одессе и на протяжении 15 лет (1895–1900 гг.) определяет, описывает и инвентаризирует древности, составляет выставку и публикует многие выдающиеся находки. После того, как в 1910 г. Э. фон Штерн по приглашению университета переехал в Галле, ООИД посвятило ему сборник работ, вышедший в 1912 г. Из дошедших до нас оценок, ясно, что Э. фон Штерн был настоящим двигателем расширения и перестройки музея. Так, после многолетних стараний он смог добиться передачи музею всего здания, в котором Одесский археологический музей находится еще и сегодня. Э. фон Штерн стал почетным членом этого общества. Ныне, в зале, посвященном раскопкам на Березани, висит его портрет. Э. фон Штерн стал одним из лучших знатоков древностей Северного Причерноморья. Обработка старых находок Одесского музея была вскоре дополнена результатами собственных раскопок в Северном Причерноморье. Вначале это были раскопки селища Петрены культуры Триполье-Кукутени. Далее надо указать публикацию “Бородинского клада” (Штерн 1914); явившуюся результатом предпринятой из Галле в 1912 г. поездки. Особенное значение имеет открытие и раскопки древнейшего ионийского поселения на о. Березань. Э. фон Штерн ездил на Березань на раскопки вплоть до Первой мировой войны. Об этом свидетельствуют письма, которые находятся в библиотеке университета Галле. Некоторые находки из

этих раскопок находятся во владении Robertinum'a в Галле. Другой заслугой Э. фон Штерна является локализация древней Тирры на месте г. Аккерман (совр. Белгород-Днестровский), где им были предприняты раскопки. Э. фон Штерн высоко ценится как один из инициаторов развития музееведения на Украине. Он воспитал специалистов, которые продолжили возглавлявшиеся им раскопки на важных археологических объектах Северного Причерноморья. Особого внимания заслуживает его стремление перейти от чисто антикварной оценки материалов к постановке исторических проблем.

ШТЕРН, Э.Р. 1914. Бессарабская находка древностей 1912 года // *Материалы по археологии России*. СПб.

HÄUSLER, A. 1984. Ernst von Stern, Archäologe in Odessa und Halle. Zum 125. Geburtstag // *EAZ* 25: 683–695. Berlin.

А. Н. Щеглов
(Санкт-Петербург)

Э. Р. ШТЕРН В РОССИИ

(несколько поправок и заметок к тезисам А. Хойслера).

Нельзя сказать, что деятельность Э. Р. Штерна особенно оценивалась лишь в Одессе (это примерно то же, что “лишь в Оксфорде” и многих других аналогичных университетских центрах) – к его мнению прислушивался весь тот ученый мир конца прошлого и начала нашего уходящего века, который интересовали судьбы греческой колонизации на Понте.

Действительно Штерн получил чисто филологическое образование в одном из наиболее крупных университетских центров тогдашней России – Дерпте (ныне Тарту, Эстония), который сохранял лучшие традиции германской школы классической филологии XIX в., а также в Лейпциге. Но после этого он попал в новую и чрезвычайно плодородную научную среду. Коллега Хойслер не прав, что Штерн в Одессе превратился в историка. Он не стал “чистым” историком. В действительности он сделался прежде всего профессиональным археологом под прямым и воздействием коллег из ООИД, созданного в 1839 г., но фактически сложившегося в научную школу еще раньше. Эта благотворная научная

среда способствовала развитию его таланта. Он оказался способным учеником. Всего 10 лет работы в Одессе потребовалось Э. фон Штерну, чтобы благодаря своему необыкновенному дарованию и упорству из классического филолога превратиться в классического археолога и историка, стать крупным и признанным ученым, а не просто преподавателем, приват-доцентом или профессором и деканом в Новороссийском (Одесском) университете.

Раскопки на о. Березань, как справедливо отмечает А. Хойслер, большая заслуга Э. Штерна. Вспомнить об этом тем более важно, что проблема раннегреческого поселения на Березани связана с дискуссионной проблемой типологии и характера Великой греческой колонизации в бассейне Средиземного и Черного морей. Она и сейчас остается не решенной. Но главное в том, что именно Э. Штерн, работая в Одессе, первым использовал археологические источники для выяснения общих особенностей греческой колонизации и построил первую в европейской науке теоретическую модель колонизации, основанную на археологических данных (1899). Ее краткая суть: плавания – эмпорий – полис основывалась на находках керамики, а не на кабинетном толковании письменных свидетельств. Именно эта модель была положена в основу концепции М. И. Ростовцева и через него получила широкое распространение.

То значение, которое придавал Э. Штерн археологическим источникам, особенно ярко видно из дискуссии с А. Л. Бертье-Деллардом по поводу времени основания “древнего” Херсонса в Крыму. Если Бертье, не имея филологической подготовки, твердо следовал сообщению Страбона, то Штерн, который получил блестящее филологическое образование, резко критикуя свидетельство Страбона, оставлял приоритет за археологическими данными. И в последнем он оказался прав, хотя и ошибся в критике Страбона.

Вся блестящая научная деятельность Э. фон Штерна связана с его жизнью в Одессе. К сожалению, она практически закончилась после его уезда в Галле, где он был лишен не только возможностей вести раскопки, но и притока свежей информации, а главное – той научной среды, в которой он вырос и сложился как исследователь. По-видимому, справедливо изречение, несмотря на его тривиальность, “несть пророка в своем отечестве”.

**ВСЕВОЛОД ВИКТОРОВИЧ АРЕНДТ.
ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА УЧЕНОГО**

В. В. Арендт – историк оружия и военный археолог оставив заметный след в науке. Расстрел в 1937 г. как бы перечеркнул всю его деятельность. Его имя оказалось забытым. Теперь по отрывочным архивным данным можно воссоздать биографию этого незаурядного человека.¹ В. В. Арендт родился в Москве 27 февраля 1887 г. Его дворянский род восходит к далеким немецким предкам, жившим в XII в. Сам В. В. Арендт в документах записан русским. Мать его были русской, а отец – поляк.

В 1906–08 гг. молодой дворянин учился на юридическом факультете Академии Тулузы во Франции, в 1909–10 гг. был слушателем Московского археологического института. Как стипендиат этого института, а затем его выпускник, В. В. Арендт в 1911–14 гг. занимался в музеях Вены, Берлина, Мюнхена, Цюриха, Турина, Венеции и Мадрида. Во время Первой мировой войны он – поручик 1-го Лейб-драгунского Московского полка имени императора Петра Великого. Воевал ли Арендт на фронте и что произошло с ним в период большевистского переворота, не знаем. Ясно, однако, что его семья из России не уехала, а сам Всеволод Викторович в 1919–22 гг. вел преподавательскую работу в Красной армии. Его последний перед демобилизацией пост – зам. начальника учебной части Высшей школы штабной службы командного состава. В 1923–33 гг. В. В. Арендт работал в Государственном историческом музее в Москве (консультант, зав. отделом), а с 1935 г. – в Артиллерийском историческом музее в Ленинграде (ст. научн. сотр., уч. секретарь). 1 октября 1937 г. ему присвоили звание профессора Государственного музея этнографии, а на следующий день он был арестован. В жизни ученого этот арест был четвертым по счету. Через 2,5 месяца В. В. Арендта не стало.

---

¹ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Фонд ЗР, опись 13, ед. хр. 32; Архив Управления Федеральной службы безопасности по С.-Петербургу и области. Дело 32556 по обвинению Арендта по статье 58, п.8 через статью 17 пункты 10 и 11 УК.

О творчестве ученого можно судить по его публикациям. Знание военного дела и военной археологии, а также иностранных языков способствовало тому, что в 1920–30-х гг. Всеволод Викторович взялся за изучение отдельных видов, преимущественно средневекового, вооружения: мечей, сабель, шлемов, пушек (Arendt 1933:155–175; 1935:48; 1935a:26–34). Оружие он хорошо знал, свободно разбирался в тонкостях его устройства, авторские рисунки и реконструкции всегда профессиональны. Предметы военной старины рассматривались В. В. Арендтом в контексте европейского исторического оружиеведения. В своем творчестве он успешно объединил обстоятельное музейное вещеведение нач. XX в. с современными ему международными познаниями в области истории военного искусства. Такой подход был направлен на преодоление растущей самоизоляции и провинциальной ограниченности отечественного оружиеведения. Эта область знания, накопившая значительный опыт, но развивавшаяся замедленно и неравномерно, трудами В. В. Арендта стала выходить на передовой общемировой научный уровень.

В 30-х гг. Всеволод Викторович плодотворно занимался техникой клинкового производства и впервые открыл мечи с “накладным дамаском” (Арендт 1935:161–189). Его статья о греческом огне (Арендт 1936:151–204) претендует на лучшее понимание этого запутанного вопроса в европейской науке. В. В. Арендт первым разработал методику измерения сабельных клинков (Arendt 1934:43–44), ныне принятую специалистами. По его инициативе развернулось изучение отечественных и зарубежных пушек, включая редкие образцы корабельной артиллерии (Арендт 1935a:297–323). Он впервые опознал и опубликовал пистолетные стволы из собрания Государственного исторического музея в Москве, оказавшиеся древнейшими в Европе (Arendt 1934a:223,224).

В. В. Арендт был, несомненно, одаренным, способным человеком и в изучении отдельных видов средневекового оружия достиг может быть большего, чем его предшественники. Жизнь и творчество ученого были оборваны на взлете в зловещем 1937 г. Эти трагические дни можно представить по его следственному делу, насчитывающему 46 листов.

3 октября 1937 г., арестованному днем раньше, В. В. Арендту было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности (по

статье 58 УК), что он первоначально отрицал. При обыске были изъяты паспорт, разная переписка и 41 иностранный журнал. Ученый обменивался письмами с зарубежными коллегами, музеями и издательствами. Одно это в те годы могло показаться подозрительным. Однако о международных связях, равно, как и научных изысканиях в деле нет и слова. Очевидно программа дознания была иной.

Вызванный на допрос 11 октября, В. В. Арндт уже не отрицал “своей вины”, а признал, что он и его так называемые единомышленники (в деле названы четыре имени) “осуждали политическую линию ВКП(б) и Советского правительства с контрреволюционных позиций”. В деле названы научные сотрудники М. Г. Худяков и И. П. Красников (ГАИМК), Д. Н. Грищенко (Гос. музей этнографии), И. Д. Тубянский (Артиллерийский исторический музей). В ходе дальнейшего разбирательства, однако, выяснилось, что некоторые из упомянутых друг друга не знали или не общались между собой. Не помогло, все они были причислены к одной антисоветской группе. Подпись Всеволода Викторовичи под текстом рассматриваемого допроса выведена неверной рукой и подчищена. Дознание явно велось с пристрастием.

При чтении допроса обращает внимание поразительное обстоятельство. Документ раскладывается на оговор и очевидную правду, по-видимому, затененную при жизни на свободе или даже не очень скрывавшуюся. Всеволод Викторович со смелостью обреченного высказал своим мучителям то, что, скорее всего, давно разделял. Он сказал: “Главный вопрос, который нас всех волновал и который мы часто обсуждали, это положение интеллигенции в советских условиях. В данном вопросе мы единодушно сходились на том, что интеллигенция в СССР находится в политически бесправном положении. В процессе своих суждений мы утверждали, что в Советском Союзе осуществляется жесткая диктатура партийной верхушки, подавляющая всякую свободу мысли, особенно, в среде интеллигенции, лишённую права высказывания своих убеждений и симпатий тому или другому политическому строю. В стране осуществляется резкий нажим на все слои населения от которого, с нашей точки зрения, больше всего страдает интеллигенция. В области экономики мы резко осуждали политику коллективизации сельского хозяйства, как враждебную, прово-

дившуюся насильственным путем и уничтожившую, с нашей точки зрения, стимул развития сельского хозяйства. Мы говорили о том, что Советская власть применяет на строительстве рабский труд, имея ввиду строительство каналов. Лично я утверждал, что вся страна сейчас замучена, находится в подавленном состоянии”.

Приведенные слова провидческие, звучат как суровое обвинение. История подтвердила их справедливость. Сказаны они, безусловно, искренне, честно, для своего времени с захватывающей смелостью. В наше время столь открытая критика режима не удивила бы, но в 1937 г. подобное выступление квалифицировалось как тяжчайшее преступление.

Одного признания арестованного об “антисоветских” разговорах с его товарищами следователям показалось недостаточно, и они 17 ноября в последний раз допросили В. В. Арндта. Тот понимая, конечно, безвыходность своего положения, в ответ на вопрос о намерении использовать индивидуальный террор ответил, что “теракты дадут реальные результаты”. Каких-либо сведений о конкретных “подрывных” действиях кружка Арндта в деле, как и следовало ожидать, нет.

26 ноября 1937 г. следствие по делу В. В. Арндта было закончено. Обвинение гласило, что он “входил в антисоветскую группу и участвовал в обсуждении политической линии ВКП(б) и мероприятий Советского правительства с контрреволюционных позиций, является сторонником террористических методов борьбы против Советской власти”. 14 декабря В. В. Арндт по приговору особой тройки был расстрелян. Ему было тогда 50 лет.

В 1962 г. по запросу заведующего ЛОИА АН СССР проф. Б. Б. Пиотровского, дело В. В. Арндта было пересмотрено и при этом выяснилось, что никакой антисоветской группы не существовало и все дело было сфальсифицировано. По протесту прокурора г. Ленинграда Президиум Ленгорсуда дело прекратил 25 декабря 1962 г. В. В. Арндт был посмертно реабилитирован.

Следственное дело В. В. Арндта при всей типичности описанных в нем приемов дознания, выделяется тем, что документировало истинное отношение смелого и честного ученого к существовавшему тогда тоталитарно-репрессивному режиму. Эта долгое время засекреченная, открывшаяся нам правда обращена к настоящему и грядущим поколениям, ибо и в наши дни приходится от-

стаивать ценность работы ученого и беречь от забвения научные и моральные свершения наших предшественников.

- АРЕНДТ, В.В. 1935. О технике древнего клинкового производства // Труды Института истории науки и техники. Серия 1, 8: 161–189. Л.
- 1935а. К истории средневековой артиллерии // Архив истории науки и техники. Серия 1, 7: 297–323. М.
1936. Греческий огонь // Труды Института истории науки и техники. Серия. 1, 9: 151–204. Москва.
- ARENDR, W. 1933. Das Schwert der Wäringergzeit in Russland // Mannus. 25, 2: 155–175. Leipzig.
1934. Vorschlag zur Beschreibung von Säbelklingen // Zeitschrift für historische Waffen und Kostümkunde. 7, IV, 10: 43–44. Berlin.
- 1934а. Zwei Escopettes des Historisches Museum in Moskau // Zeitschrift für historische Waffen und Kostümkunde. 7, IV, 10: 223, 224. Berlin.
1935. Türkische Säbel aus dem VIII–IX Jahrhundert // Archeologia Hungarica. XVI: 48 sq. Budapest.
- 1935а. Der Nomadenhelm des frühen Mittelalters in Osteuropa // Zeitschrift für historische Waffen und Kostümkunde. Neue Folge V: 26–34. Berlin.

Т. Н. Заднепровская
(Санкт-Петербург)

К ИСТОРИИ БИБЛИОГРАФИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

Середину XIX в. можно считать переломной для развития археологической науки. Накопленный материал требовал уже иных приемов исследования и объединенного усилия ученых. Создаются первые археологические общества, в Петербурге – Археолого-нумизматическое общество (1846), позднее – РАО. В 1859 г. основана ИАК – научный и организационный центр отечественной археологии, в 1864 г. – МАО. Важную роль в деле дальнейшего развития науки сыграли Археологические съезды. 1-й съезд состоялся в Москве в 1869 г. по инициативе А. С. Уварова. Вновь образованные общества стали издавать свои труды.

В те же годы наблюдается повышенный интерес к археологии, чему способствовали открытия замечательных археологических памятников на Юге России (Чертомлык, Толстая Могила, Большая Близница и др.) и освещение этих открытий в прессе. Возрос объем печатной продукции, за которой уже трудно было следить. А. А. Котляревский (археолог, славист, этнограф) в докладе 1866

г. "Археологическая библиография" в МАО (ДТМАО 1869/1970. Т.2, вып.2) вспоминает, что еще до образования Общества, А. С. Уваров говорил о необходимости создания "обстоятельной" археологической библиографии. По мнению А. А. Котляревского, имеющиеся справочники не отвечают запросам ученых. Он отмечает их неполноту, "наивное отношение к науке", "хаотический беспорядок в размещении материала" и высказал утверждение, что отсутствие полноценных библиографий негативно сказывается на всей науке. Он, видимо, не был знаком со сводками РАО.

В эти годы в Петербурге делались первые шаги по научной организации библиографической работы в области археологии. Насущным потребностям науки больше отвечали начинания РАО, которое в 1860 г. в своих Записках опубликовало первую погодную сводку. Сводки за 1857 и 1858 г., напечатанные в Известиях РАО, составил известный для своего времени библиограф и заведующий библиотекой РАО Г. Н. Геннади (1826–80). Н. В. Здобнов (автор книги "История русской библиографии". М. 1955) отмечает, что работы этого библиографа грешат многочисленными ошибками. Несмотря на недостатки, для нас важно, что это первая попытка библиографа-профессионала в области археологии.

Академия наук также не осталась в стороне от организации библиографических работ. В 1861 г. при активной поддержке акад. А. А. Куника и на средства Академии наук издан первый выпуск "Русская историческая библиография". Составителями были служащие Русского отделения Академии наук братья Б. П. и П. П. Ламбины. Они опубликовали в 1861–84 гг. 10 выпусков за 1855–64 гг. Археология и нумизматика включены в раздел "Вспомогательные науки". Археологические статьи имеются в разделах "Генеалогия, геральдика и палеография" и "Описание монастырей, церквей и святых мест". Включены книги, статьи из журналов, сборников и газет, рецензии, в приложении дан именной и предметный указатель. За начало серии принят 1855 г. — год вступления Александра II на престол, который будучи человеком просвещенным, поддерживал научные изыскания. Сводки бр. Ламбиных отличаются полнотой, продуманной схемой классификации и тщательным исполнением. Все работы просмотрены de visu. Поэтому работа велась медленно и на 10-м выпуске в 1884 г. издание прекратило свое существование. В 1869 г. ИАК

опубликовала "Сборник материалов для археологической библиографии". Это методическое пособие для библиографа. В нем определяется тематика издания, типы включаемых печатных материалов и его расположение, правила описания, принципы аннотирования. Представлены образцы описаний.

Подлинный переворот в библиографии, в том числе, и в археологической, произвел В. И. Межов (1831–94). Человек ярко одаренный, энциклопедических знаний, чрезвычайно трудоспособный и прекрасный организатор, он начал свою карьеру в Петербургской публичной библиотеке, где прослужил с 1852 по 1866 г., а затем, уволившись, занялся исключительно библиографической работой, которая и стала источником его существования. Автор более 50 библиографических работ. Он продолжил после Г. Н. Геннади публикацию погодных археологических сводок в Известиях РАО. Первая вышла в 1859 г. Всего опубликовано их 10. А в 1873 г. В. И. Межовым был впервые издан отдельной книгой "Археология русская в период времени от 1859 до 1868 г. включительно. Библиогр. указатель книг и статей, вышедших по русской археологии (РАО. СПб. 1873). Учтены газетные статьи. Материал расположен по предметным рубрикам. Отдельно выделены нумизматика и палеография, а также архитектура и живопись. Постепенно от выпуска к выпуску схема классификации усложняется, становится более дробной. Наряду с археологической библиографией, В. И. Межов занимался подготовкой библиографического указателя по истории. С 1882 по 1893 г. он издает 11 тт. указателя "Русская историческая библиография: Указатель книг и статей по русской и всеобщей истории и вспомогательным наукам за 1800–1876 гг. СПб. 1882–1893" (далее РИБ). Учтено более 100000 работ. Литература за 1800–54 гг. собрана в 3 томах, за 1865–76 гг. – в 8 томах. В РИБ за 1865–1876 гг. (Т.5. СПб. 1885), в разделе "Археология" учтено свыше 3000 работ. Материал расположен в систематическом порядке с использованием географического и предметного принципов. В РИБ за 1800–1854 гг. (Т.2. СПб. 1893) есть разделы "6. Археология" и "7. Нумизматика". В разделе "Археология" учтено более 2000 работ. Принцип расположения материала тот же. Введена рубрика "Древности доисторического времени...". Выделен раздел "Церковная археология". Это невиданное по своим масштабам библиографическое

издание не утратило своего значения и по сей день, хотя оно и не лишено недостатков. Одним из крупных недостатков является не точное описание работ, поскольку В. И. Межов не проверял материал взятый из вторых рук. После смерти В. И. Межова в 1894 г. сводные труды и погодные сводки перестали выходить.

В нач. XX в. ИАК стала издавать в рамках Известий подсерию “Хроника и библиография”, в которой в 1902 –18 гг. печатались погодные сводки – “Новые книги историко-археологического содержания, вышедшие в России” и “Обзор статей историко-археологического содержания в русских повременных изданиях” (составитель А. И. Малейн): учтены работы по вспомогательным наукам; указатели отсутствуют; до 1914 г. книги расположены в алфавите авторов и заглавий, далее статьи собраны под заглавием журнала, журналы даны в алфавите названий. Такое расположение материала представляло шаг назад по сравнению со схемой В. И. Межова и не отвечало уровню развития археологии нач. XX в.

Система указателей по археологии и истории, созданная РАО, В. И. Межовым и ИАК, в советское время нашли продолжение. В 1931 г. был опубликован в издании ГАИМК “Библиографический указатель литературы по археологии, вышедшей в СССР за 1918–1928 гг.” (сост. О. А. Магнус); материал расположен в прямом алфавите авторов и заглавий. В 1939 г. в Гос. Публичной исторической библиотеке (Москва) начато составление справочной картотеки русской исторической литературы, изданной в 1877–1917 (рук. Н. В. Здобнов). В библиотеке ГАИМК–ИИМК в 30-е гг. также велся учет литературы по археологии.

Несмотря на недочеты, все эти указатели сыграли определенную роль в становлении известной серии “Советская археологическая литература за 1918–1981 гг.”. Издание максимально полно отражает опубликованную литературу и от тома к тому совершенствует схему классификации в зависимости от развития науки. Новые требования, предъявляемые к библиографическим указателям, выявили настоятельную необходимость с одной стороны ликвидировать лауну за 1877–1917 гг., а с другой – приступить к переизданию справочников, ставших уже библиографической редкостью, с учетом новых требований. Такая работа начата. Подготовлен и находится в печати указатель “Русская археологическая литература. 1900–1917 гг.”.

**ФОРМИРОВАНИЕ В ПЕТЕРБУРГЕ—ЛЕНИНГРАДЕ
ОСНОВНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ
РОССИИ**

Библиотека ГАИМК — прямая наследница и продолжательница Библиотеки ИАК в формировании фонда и в информационно-библиографической работе. Основанная в 1859 г. одновременно с ИАК, Библиотека с первых своих дней активно формировала свои фонды отечественными и зарубежными изданиями.

В Рукописном архиве ИИМК имеется множество документов, отражающих ранние этапы комплектования библиотеки. Это переписка об обмене изданиями председателей ИАК С. Г. Строганова и А. А. Бобринского, товарища председателя, по Уставу Комиссии ведавшего библиотекой, В. Г. Тизенгаузена, членов Комиссии И. Е. Забелина и Н. И. Сулова с отечественными учреждениями — Академией наук, Академией художеств, духовными академиями, университетами, различными научными обществами, учеными архивными комиссиями, губернскими статистическими комитетами и с рядом зарубежных академий, университетов, археологических обществ и институтов (Немецким археологическим институтом и его отделениями, научными обществами и университетами скандинавских стран, Австрии, Венгрии, Бельгии, Германии, Франции, Швейцарии, Смитсоновским институтом и др.). От Министерства Двора Комиссия получала деньги на приобретение отечественных и иностранных изданий (серия ежегодных документов “О покупке литературы для библиотеки”). Большое количество литературы поступало в дар от отдельных ученых, издателей, научных обществ.

В 1901—18 гг. Библиотека находилась в ведении акад. В. В. Латышева, в то время — товарища председателя Комиссии. При его непосредственном участии был составлен и опубликован в 1904—10 гг. “Каталог Библиотеки имп. Археологической комиссии” с двумя дополнениями. В эти годы велась большая информационно-библиографическая работа — Л. И. Малеев публиковал в Известиях ИАК ежегодные библиографические указатели “Новые книги историко-археологического содержания, вышедшие в

России”, “Обзор статей историко-археологического содержания в русских повременных изданиях”.

С переименованием ИАК в РГАК, а затем и реорганизацией ее в 1919 г. в ГАИМК и передачей в ведение Академии библиотеки ИАК, все виды работ Библиотеки традиционно продолжались. В 20 – нач. 30-х гг. Библиотека находилась в ведении Библиотечной комиссии (впоследствии Библиотечного комитета, реорганизованного в 1929 г. в Библиотечно-библиографическую комиссию), под руководством которой работал библиотекарь (так именовался заведующий библиотекой), его помощник и сотрудники библиотеки. Комиссию возглавляли члены Академии – в 1918–19 гг. акад. А. А. Васильев, в 1920–29 гг. А. А. Сиверс, с 1929 г. акад. С. А. Жебелев. Заведовали Библиотекой известные ученые – чл.-корр. АН В. Н. Бенешевич (1923–26) и проф. И. М. Гревс (1927–31).

Особо следует отметить участие в работе Библиотеки членов и сотрудников Академии, особенно бывших членов и сотрудников ИАК. По инициативе акад. С. Ф. Ольденбурга с 1920 г. Библиотека организует регулярные выставки новых поступлений, им же составлены правила выдачи на дом периодических изданий. В 1921 г. А. А. Спицын разработал первое “Положение о библиотеке РЛИМК”. Важную роль в работе Библиотеки играл акад. С. А. Жебелев. Он собственноручно отбирал для библиотеки книги из собрания А. В. Никитского, дублировал карточки на иностранные издания фонда Б. В. Фармаковского, оказывал, по своей инициативе, воздействие на сотрудников Академии, имевших в Библиотеке задолженность. Акад. А. А. Васильев изъявлял желание отказаться от своей заработной платы в пользу библиотеки – для приобретения для нее книг и оборудования. Библиотечная комиссия собиралась еженедельно и обеспечивала нормальную работу Библиотеки.

В Библиотеке Академии активно велось формирование фонда. Если в 1920 г. фонд составляли лишь книги Библиотеки ИАК (25000 томов), то уже с нач. 20-х гг. поступают книги из библиотек ликвидированных научных обществ: РАО (18000), Русского историко-генеалогического (2800), Общества поощрения художеств (3248). В 20-е – нач. 30-х гг. Академией были приобретены и получены в дар книги из личных библиотек А. А. Бобринского, В. В. Латышева, Х. М. Лопарева, А. В. Никитского, А. В. Орещ-

никова, П. А. Путятина, Я. И. Смирнова и Б. В. Фармаковского. Библиотека обменивалась изданиями с отечественными и зарубежными научными учреждениями – в сер. 30-х гг. библиотека вела обмен с 128 научными учреждениями в 28 странах. Значительную часть литературы Библиотека получала в дар, особенно много изданий подарили Н. Я. Марр и В. Н. Бенешевич. Продолжались начатые в начале века библиографические работы. В 1931 г. О. А. Магнус, сотрудница библиотеки, опубликовала “Библиографический указатель литературы по археологии, вышедшей в СССР за 1918–1929 гг.”, И. М. Гревс подготовил указатель литературы по средневековой истории западноевропейских городов.

Н. Я. Марр сер. 20-х гг., писал о Библиотеке ГАИМК: “Это лучшая, думаю, не в одном СССР, по специальности подобранная библиотека. Благодаря обмену изданиями также по специальности и с заграничными учреждениями библиотека растет здоровым ростом в путях продуманного пополнения и вносит регулярными ныне поступлениями книг большое оживление в научную среду отнюдь не одних работников Академии. В самой библиотеке началась исследовательская работа, подсобная для Академии...”

Библиотека ГАИМК сохраняла и приумножала лучшие традиции Библиотеки Императорской Археологической Комиссии.

**Г. В. Длужневская
(Санкт-Петербург)**

НАУЧНАЯ И НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РГАК–РАИМК–ГАИМК–ИИМК в 20–30-е гг.

До создания РАИМК продолжала действовать, переименованная в РГАК, Императорская Археологическая Комиссия. В марте 1919 г. возникла мысль о создании нового научного учреждения с задачей исследования материальной культуры во всех ее видах и формах, с привлечением всех видов источников (вещественных, этнографических, фольклорных, лингвистических). Новая Академия (РАИМК), с теоретическими и практическими задачами, в число которых входили производство полевой работы и установление постоянной связи с музеями, была учреждена в апреле 1919 г. В августе ученые – археологи, востоковеды, искусствоведы – собрались на Первую Всероссийскую конференцию. Председате-

лем РАИМК избрали Н. Я. Марра, ученым секретарем – И. А. Орбели. Началась разработка проекта устава и положений о библиотечном и издательском советах. Заведующим архивом был избран С. А. Жебелев, а Н. П. Сычеву в начале декабря поручили организовать особый фотоархив. De facto фотоархив родился еще в декабре 1918 г., когда И. Ф. Чистяков, фотограф ИАК, передал на хранение 20000 негативов. Деятельность неоднократно менявшего свое название археологического учреждения в докладе будет раскрываться на материалах фотоархива ИИМК РАН.

Структура РАИМК складывалась в течении ряда лет, в 1924–25 гг. работали 3 отделения: 1) археологическое (предс. В. В. Бартольд) с 11 разрядами: изучение культур Древнего Востока, Элады, Рима, Скифии, Византии, Дальнего Востока, мусульманского мира и др.; 2) этнологическое (предс. А. А. Миллер) с 5 разрядами: палеоэтнологии, этнической антропологии, этнографии, русской археологии и археологии Кавказа; 3) в художественно-историческом отделении работали Б. В. Фармаковский, Б. Л. Богаевский и др., занимавшиеся изучением памятников искусства, русской живописи и зодчества, общей историей архитектуры. В ведении Академии находились Общество поощрения художеств и Комитет популяризации художественных изданий, ликвидированные в 1932 г. Институт археологической технологии во главе с А. Е. Ферсманом включил 5 разрядов: камня, керамики, стекла, металла, органических остатков, разрабатывавших вопросы консервации, реставрации и сохранения археологических памятников. Комиссия по раскопкам занималась проблемами полевого изучения памятников; огромную работу вела Комиссия по регистрации памятников архитектуры. В апреле 1924 г. организована московская секция РАИМК, председателем которой стал Д. Н. Егоров.

К сер. 20-х гг., в связи с принятием программы индустриального и культурного строительства, особенно возросли проблема охраны памятников, роль и значение научных учреждений, осуществлявших научно-методическое руководство охранными мероприятиями. Активизировалась деятельность местных музеев и краеведческих обществ.

В 1926 г. утвержден новый устав и РАИМК переименована в Государственную Академию истории материальной культуры (ГАИМК) – научно-исследовательское учреждение, перед кото-

рым были поставлены общие задачи развития просвещения и научного поиска и исследования вещественных памятников искусства, древности и старины в зонах хозяйственного строительства СССР и разработка методов охраны древностей. Большое внимание уделялось координирующей, методологической и просветительской деятельности.

В 20-х гг. были проведены фиксация фресок новгородских храмов и фотофиксация в Юрьеве-Польском и Керчи (уже в 1921 г. состоялась выставка копий). Осуществлялись работы по реставрации памятников Самарканда, Бухары, Ашхабада, Москвы, обследование памятников Украины, Крыма и Казахстана. С 1926 г. начаты работы А. Ю. Якубовского в Средней Азии и Казахстане. В 1927 г. К. К. Романов проводит этнологическую экспедицию в Архангельской губернии, в 1929 г. он совершает поездку в Казань, в 1934–36 гг. участвует в работах в с. Михайловском. Экспедиции работают в Южной Сибири, на Верхней Волге, в Туркестане, Костенках, Старой Ладогe, Крыму и Дагестане. Добытый материал готовился к изданиям в сводах, перечнях, словарях и в виде археологических карт.

Большое значение “в распространении среди трудящихся масс” сведений, касающихся археологии и охраны памятников, имели выступления в периодической печати, популярные лекции и беседы, выставки (ознакомительные, “подшефные”, к пленумам, докладам, отчетные). Обычно их разворачивали в Мраморном дворце, где с 1919 по 1937 год размещалась Академия. Демонстрировали результаты своей работы Верхне-Волжская этнологическая, Ольвийская, Туркестанская и Монголо-Тибетская экспедиции. Огромная отчетная выставка в 9 залах дворца состоялась в 1927 г. В кон. 20 – нач. 30-х гг. советские археологи приняли участие в международных съезде и конгрессе; были организованы Международная конференция по изучению четвертичных отложений и другие научные заседания. Все они сопровождались выставками, имевшими международный успех.

В 1929–33 гг. в ГАИМК началась перестройка, при которой одним из важных моментов являлся переход на хозрасчетную систему. В структуре вместо 3 отделений были выделены сектора доклассового общества, рабовладельческой и феодальной формаций, каждый с несколькими группами-бригадами. С 1934 г. они

стали называться научно-исследовательскими институтами. Кроме того, существовали по 3 научно-организационных сектора и научно-вспомогательных учреждения.

ГАИМК становилась крупнейшим центром по изучению истории докапиталистических обществ, а археологические работы продолжались, в основном, на новостройках. При ГАИМК были созданы Комитет по организации археолого-раскопочных исследований, а в 1932 г. – Комитет по работам на новостройках. В число районов первоочередных работ вошли Ленинградская, Центрально-Черноземная и Уральская обл., районы Волги и Дона, Башкирия, Северный Кавказ, что было согласовано с программой капитального строительства в СССР. Работало более 60 экспедиций. Проводились ежегодные археологические пленумы и археолого-этнографические совещания с традиционными выставками, носившими, однако, в эти годы “смотровой” характер (с минимальной демонстрацией находок).

В 1937 г. происходит очередное переименование – Академия становится Институтом истории материальной культуры АН СССР и ему присваивается имя Н. Я. Марра, бывшего бессменным Председателем Академии с 1919 по 1934 год.

Е. А. Рябинин
(Санкт-Петербург)

РОССИЙСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ И РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ (на примере научных обществ Костромской губернии)

Сформировавшаяся в сер. – 3-й четв. XIX в. система российских научных обществ, в деятельности которых ведущее или весьма значительное место занимала археология, оставалась в основном связанной со столичными и крупными университетскими центрами. К этому периоду относится активное функционирование таких научно-общественных организаций как РАО (1846), МАО (1864), Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (1864). В 1877 г. для подготовки квалифицированных специалистов в Петербурге создается Археологический институт, в 1859 г. там же оформляется первый государственный орган отечественной археологии – ИАК. Усиливающийся интерес широких кругов местной общественности

к прошлому, стимулированный проведением первых Всероссийских Археологических съездов, определял необходимость создания провинциальных научных обществ, выход краеведческой (в том числе археологической) тематики на общероссийский уровень.

В 1884 г. министром внутренних дел был подписан циркуляр об учреждении губернских ученых архивных комиссий. Его инициатором по праву может быть назван директор Археологического института, сенатор Николай Васильевич Калачов. Уже в 1884 г. губернские общества оформились в четырех областях России. К 1885 г. относится образование Костромской губернской ученой архивной комиссии (КГУАК).

У истоков КГУАК стоял Н. В. Калачов – уроженец и патриот Костромского края. Вместе со своим братом – попечителем комиссии, костромским губернатором В. В. Калачовым – он открыл первое учредительное заседание, сформулировав в программной речи основные задачи создаваемого органа. Тогда же были обсуждены три реферата о целях деятельности КГУАК, с которыми выступили ее будущий председатель Н. Н. Селифонтов, уже известный к тому времени исследователь местных древностей И. В. Милловидов, профессор Петербургской духовной академии и Археологического института Н. В. Покровский. Широта и разнообразие поставленных задач нашли отражение в следующих сформулированных направлениях работы комиссии: 1) изучение государственных и церковных архивов с публикацией их описей и наиболее важных документов; 2) подготовка к изданию писцовых, дозорных и переписных книг Костромской губернии; 3) анализ древних топонимов и их сопоставление с современными названиями селений и урочищ; 4) исследование городищ и курганов; 5) изучение памятников каменного зодчества XVI–XVIII вв. и проведение мероприятий по их охране; 6) образование при КГУАК музейного собрания доисторических и церковных древностей; 7) самое широкое привлечение к деятельности общества “в качестве членов или корреспондентов лиц, занимающихся педагогической деятельностью, некоторых из лиц духовного звания, учителей и учительниц народных школ и вообще любителей старины”.

Задачи Комиссии на первом этапе ее существования могли быть реализованы лишь в весьма незначительной степени. Этому препятствовали ограниченный состав ее участников (всего 8 чле-

нов-учредителей в 1885 г.), отсутствие собственных помещений и, особенно, скудость денежных средств. До 1891 г. все работы по сбору и изучению историко-археологических материалов, введению их в научный оборот производились по инициативе отдельных членов общества. Радикальные изменения в этом отношении приходится на 1-ю пол. 90-х гг., о чем свидетельствует юбилейный отчет КГУАК 1895 г. К указанному времени увеличилось ее финансирование, складывавшееся из средств Министерства юстиции, местного губернского земства и частных пожертвований. В постоянное и бесплатное пользование комиссии были переданы помещения в Доме костромского дворянства. Численность членов к 10-летию ее существования превысила 100 человек, среди которых доминирующее место занимали учителя, земские деятели и представители духовенства. Почетными членами КГУАК являлись такие известные исследователи и организаторы науки как председатель МАО П. С. Уварова, И. Е. Забелин, Н. В. Покровский, Д. И. Иловайский. Тогда же сформировался основной состав участников, активно изучавших археологические памятники Костромского края (И. В. Миловидов, И. Д. Преображенский, Н. В. Бекаревич, Ф. Д. Нефедов). Показательно, что из трех членов правления двое были представлены именно археологами. Деятельность Комиссии, просуществовавшей до 1910 г., получила отражение в серии изданий, среди которых следует выделить периодические выпуски сборника "Костромская старина", ежегодные "Отчеты о деятельности" и "Журналы заседаний" КГУАК. Благодаря усилиям ее сотрудников была заложена основа фондов ныне существующего музея-заповедника, а также архивных собраний и специализированной библиотеки региона.

Археологическая деятельность комиссии проводилась по двум везущим направлениям – сбору сведений о местных памятниках и их полевому исследованию. Так, в 1880-х гг. по инициативе МАО в различные учреждения Европейской части России были разосланы запросы о наличии остатков древности и старины. Сведения о памятниках Костромской губ. стекались в КГУАК. На их основе И. М. Миловидовым была создана первая археологическая карта региона, пересланная затем в МАО. Результаты анкетирования получили подробное освещение в печатном органе комиссии "Костромская старина".

При исследовании археологических объектов основное внимание уделялось курганам древнерусской эпохи, в массовом количестве разбросанным по берегам Волги и ее притокам. Такие работы были начаты еще накануне создания КГУАК костромским геологом Н. М. Девочкиным (1872–82) и будущими ее членами Н. М. Бекаревичем и С. Н. Дмитриевым (1882–83). Основной пик курганных раскопок силами местной общественности приходится на 1895–99 гг., когда в западных уездах губернии было вскрыто свыше 800 насыпей. В 1895–96 гг. членом КГУАК Ф. Д. Нефедовым, обладавшим достаточно солидным опытом полевых изысканий, по поручению и на средства Общества любителей естествознания, этнографии и антропологии при Московском университета на востоке региона было раскопано еще 548 курганов. По существу именно в этот период была создана основная база источников для изучения средневекового прошлого Костромского Поволжья. Материалы раскопок полностью публиковались. В серии работ были предприняты первые попытки историко-культурной и хронологической интерпретации добытого материала.

Разумеется, следует учитывать, что местные археологи-краеведы не имели соответствующей профессиональной подготовки. Лишь с появлением в 1895 г. унифицированных полевых дневников, рассылавшихся ИАК вместе с Открытыми листами, отчетная документация становится достаточно полной и отвечающей методическим требованиям того времени. Однако, на этот же этап приходится и максимальное вскрытие курганов. Заслугой членов КГУАК является детальное распределение вещевой коллекции по комплексам. Все это не позволяет согласиться с излишне суровой оценкой А. А. Спицына о полевой деятельности Комиссии, высказанной в 1903 г. По его мнению, "раскопки костромских курганов введены были без определенного плана и с ничем не оправдываемой поспешностью..., а добытые вещи сохраняются в кучах или грудах без всяких ярлыков и отметок, из какого погребения предмет происходит, так что представляют собой лишь курганный мусор, не имеющий никакого научного значения". "Если продолжать раскопки с той же поспешностью, — отмечал А. А. Спицын, — то никаких местных курганов не останется до следующего же поколения костромских деятелей" (Архив ИИМК РАН: ф.1, д.1903/35). Признавая справедливость заключительной части вы-

сказывания, следует констатировать, что последующие десятилетия российской истории привели к почти полному уничтожению этой категории археологических источников без какого-либо вмешательства исследователей.

Правопреемником КГУАК явилось Костромское научное общество по изучению местного края (КНОИМК), созданное в 1911 г. Его особенность заключается в становлении, наряду с центральным губернским органом, целого ряда уездных отделений – в Нерехте, Буге, Чухломе, Галиче, Солигаличе. До конца существования общества (1929) в самой Костроме было издано свыше 40 тематических сборников и опубликован ряд “Трудов” региональных филиалов КНОИМК. Регулярно печатались ежегодные отчеты о его деятельности. Членами общества осуществлялись целевые разработки по истории, этнографии, фольклору археологии, антропологии, топонимике, лингвистике, экономике и геоморфологии края. Несомненный подъем костромского краеведения определялся не только расширением состава участвовавшей в нем местной общественности, но и высоким научным потенциалом КНОИМК.

Одним из вдохновителей и руководителей этого движения бесспорно являлся Василий Иванович Смирнов (1881–1941), в сферу разносторонних интересов которого входили археологические изыскания. Особенно широко исследовались памятники неолита, бронзового и раннего железного веков. Полевая и кабинетная деятельность Н. И. Смирнова, сочетающаяся с активными научными контактами, во многом определили превращение Костромы 1920-х гг. в крупный археологический центр. Именно здесь в 1927 г. было проведено Второе совещание палеоэтнологов Центральной Промышленной области.

Развитие костромского (шире – отечественного) краеведения оказалось насильственно прерванным на рубеже 1920–30-х гг. Была прекращена деятельность КНОИМК, многие из его активных членов, включая В. И. Смирнова, подверглись гонениям или репрессиям. Восстановление массового краеведческого движения, имевшего в прошлом столь устойчивую и многолетнюю традицию, – насущная, хотя и крайне трудная, задача современности.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ В ВЯТКЕ В НАЧАЛЕ XX В.

Археологическое краеведение в Вятке зародилось как и везде в России в виде кладоискательства местного населения и чиновников. С открытием краеведческого музея (1869) сюда стали поступать археологические находки и коллекции. Большую роль в становлении вятского краеведения и охраны памятников сыграл А. А. Спицын. Первые формы организации краеведов в России были представлены кружками, обществами, архивными комиссиями. Последние сыграли важную роль в институализации археологии как науки, особенно, в провинциальных городах.

Первую организационную форму археологическое краеведение в Вятке получило в виде ученой архивной комиссии, созданной сравнительно поздно (1904), благодаря энтузиазму местных краеведов. Деятельности Вятской комиссии (ВУАК) посвящена значительная историография, хотя обобщающей работы нет. До сих пор не изучена деятельность ВУАК по археологическому изучению и охране памятников, а содержащийся в ряде публикаций материал имеет недочеты (Ванчиков, Сенникова 1991).

В историографии раскопки А. С. Лебедева на Пижемском городище (1906) причисляются к работам Комиссии, хотя в то время членом ее он не являлся. Работы Лебедева на этом памятнике носили пионерный характер и обратили внимание научной общественности. Однако, краевед не мог дать хронологию и определить культурно-историческую принадлежность Пижемского городища. Наиболее активным членом ВУАК по археологическому изучению и пропаганде археологических знаний был В. Д. Емельянов. Самостоятельных исследований он не проводил, но его публикации и сообщения способствовали росту интереса населения к древностям. Довольно подробно, например, он описал находки двух братских захоронений, обнаруженных при строительстве водопроводной башни в Сарануле в 1909 г., где, впервые для вятской археологии, краниологический материал получил определение антрополога. Захоронения датированы XIV и XVII вв., причем первые отождествлены с черемисами (мари), а вторые – с русскими.

Самой значительной публикацией Вятской комиссии был очерк, впоследствии известного советского археолога, М. Г. Худякова "Древности Малмыжского уезда". Он написан на уровне знаний, господствовавшего в среде русских археологов; поэтому неудивительно, что автор, используя в основном литературные данные, начинает изложение с неолитического времени, сообщая о находках орудий каменного века. Довольно подробно описаны памятники бронзового века – городища и могильники, относимые им к Нижнекамской группе Уральской культуры. Кроме того, в очерке приводятся значительные и интересные материалы по этнической истории, связанные с переселением народностей и колонизацией русскими территории Малмыжского уезда. Рассмотренная выше работа представляет собой наиболее полный и добротный свод археологической информации по определенному району, демонстрирующий вместе с тем как уровень знаний, так и состояние вятской археологии. "Древности Малмыжского уезда" – наиболее ценная работа ВУАК в области археологии и этнографии.

Определенные усилия прилагала ВУАК в деле пропаганды и популяризации археологических знаний, а также воспитания правосознания в области охраны памятников старины и археологии. Активным популяризатором таких знаний был В. Д. Емельянов, публикации которого в Трудах ВУАК и местной печати способствовали просвещению читающей публики о правилах сбора археологического материала, первичной регистрации памятников. Краевед призывал собирать и охранять древние памятники, он приводил немало данных о находках и раскопках, используя, в частности, сведения, собранные в губернском статистическом комитете. Воспитанию правосознания населения способствовала публикация выдержек из нормативных документов, действовавших тогда в Российской империи, связанных с земляными работами, находками старины, кладами.

ВУАК внесла большой вклад непосредственно в охрану памятников, выступив инициатором создания Трифоновского церковно-археологического музея. Музей был открыт в 1912 г. в Епархиальном доме и, хотя он был задуман как собрание не только церковной старины, но и археологических древностей, последние, однако, в экспозиции музея представлены не были.

В фондах Кировского государственного музея находится шлифованный топор фатьяновской культуры, ошибочно обозначенный в инвентарной книге как “молот”, с этикеткой Трифоновского музея. Топор относится к типу короткообушковых усеченно-конических и происходит из Малмыжского уезда(?) (юг Кировской обл.). Являясь характерным предметом фатьяновской культуры (нач. – сер. II тыс. до н. э.), подобная находка позволяет предположить существование фатьяновской группы на периферии фатьяновского мира, либо распространение фатьяновских артефактов в контактной зоне, каковой была Вятская земля в ту эпоху.

Деятельность ВУАК по археологическому изучению Вятского края носила эпизодический характер и, как уже замечено, осуществлялась по инициативе местных краеведов. Материалы, опубликованные в ее Трудах, отрывочны, несистематизированы и представляют в настоящее время историко-научный и краеведческий интерес. Большой заслугой ВУАК является пропаганда и популяризация археологических сведений, положений нормативных документов об охране памятников, попытка сбора и сохранение археологических древностей. ВУАК (1904–20) сыграла важную роль в институализации археологии в Вятском крае.

А. Е. Королев
(Псков)

ПСКОВСКАЯ КРАЕВАЯ АРХЕОЛОГИЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

К настоящему времени выявлены и исследованы сотни археологических памятников, составляющих неотъемлемую часть исторического прошлого Земли Псковской. В дореволюционное время были сделаны первые попытки их систематического изучения. Немалая заслуга в этом принадлежит псковским краеведам, знатокам и любителям псковских древностей. Их деятельность нашла отражение в ряде публикаций XIX – нач. XX вв.

На страницах “Псковских губернских ведомостей” (“ПГВ”) нередко появлялись статьи по истории и археологии края. С 1838 г. началось издание “ПГВ”; уже к началу 1870-х гг. эти статьи составили значительную информационную базу краеведческого материала. Во 1-й пол. XIX в. был издан ряд указателей к ним. Известный псковский краевед К. Г. Евлентьев составил основную

часть указателя и 1-е прибавление к нему. Тогда же вышел и хронологический указатель статей (Евлентьев 1870). Как отмечалось в предисловии, он представляет “живую летопись губернии, содержит в себе немало драгоценных материалов для изучения местного края с разных сторон”. В “ПГВ” появлялись работы псковских краеведов И. Бутырского, Н. И. Иваницкого, К. Г. Евлентьева, И. И. Василёва. Вниманию читателя “ПГВ” были представлены статьи о древних монетах, найденных в губернии, археографическое описание древностей Пскова, материалы по истории Пскова, Опочки и ряд других статей по псковской истории.

Работу над указателем продолжил В. А. Буцевич, составивший прибавления к нему, доведя отбор статей до 1873 г., а в хронологический указатель были включены статьи, вышедшие вплоть до 1878 г. (Буцевич 1873; 1878). В массе краеведческих статей заслуживают внимания публикации документов псковских монастырей, “летучие заметки” К. Г. Евлентьева об археологической экспедиции для исследования псковских подземелий.

Читателей “ПГВ” регулярно знакомили с протоколами заседаний и другими материалами Псковского Археологического комитета (ПАК), учрежденного в 1872 г. при Псковском статистическом комитете по инициативе И. И. Василёва, секретаря стат. комитета, известного своими трудами по истории Псковского края. В 1872 г. в газете была опубликована программа археологических исследований в Псковской губ. ПАК предпринял попытку объединить краеведов, организовать систематическую работу по археологическому изучению Земли Псковской. В частности, из протоколов заседаний ПАК, опубликованных в “ПГВ”, известно о работе членов Комитета в 1873 г. над археологической картой губернии. Активное участие в этом принял псковский помещик Н. К. Богушевский, почетный член Великобританского исторического общества, действ. чл. РАО и МАО. Он же в 1876 г. раскопал несколько курганов между дер. Хвоенка и Шанево Псковского у. Сведения об этих раскопках имеются в “Записках” РАО. Н. К. Богушевский составил псковскую библиографию, в которой было представлено более 300 названий работ; издан в “Российской библиографии” (Богушевский 1880).

Наряду с “ПГВ”, краеведческие материалы печатались и в “Псковских спархнальных ведомостях”, о чем можно судить из

ежегодно издаваемых указателей к ним. Здесь в основном представлены статьи, касающиеся церковных древностей, археологии церковной. В "ПГВ", газете ориентированной на самый широкий круг читателей, статей о собственно археологических исследованиях, раскопках древних памятников до 70-х гг. XIX в. не было. Это видно из представленных в указателях К. Г. Евлентьева и В. А. Буцевича ссылок на публикации по истории края.

Следующим этапом организационного оформления псковских краеведов стало создание в 1880 г. на основе ПАК Псковского археологического общества (ПАО). Секретарем был избран К. Г. Евлентьев, хранитель музея Комитета. С 1896 г. ПАО начало издавать "Труды", в которых нашли отражение результаты археологических исследований членов Общества в Псковской губ., работа над созданием более полной и уточненной археологической карты Псковской губ. В "ПГВ" также публиковались сведения о раскопках. В 1899 г. был напечатан доклад А. А. Заборовского, члена ПАО, о работах его в Псковской губ. в предыдущем году.

В 1888–89 гг. в "ПГВ" был напечатан библиографический указатель книг и статей, вышедших за 1517–1887 гг. и относящихся к Псковской губ. Автором его считается И. И. Василёв. Автор в своем труде представил несколько сот наименований сочинений, в т. ч. и ок. 50 по древней истории и археологии Пскова (Василёв 1891). Среди значимых, собственно "псковских" библиографий, кроме названных выше – работа Ф. А. Витберга (1916), "Каталог библиотеки ПАО". В перечисленных библиографических указателях представлены, в основном, одни и те же работы, но каждое последующее издание дополняло предыдущее. Большей частью в них дается указание на известные работы псковских краеведов, собирателей и исследователей псковских древностей.

Значительный интерес представляют работы, опубликованные в повременных изданиях археологических учреждений и обществ Петербурга и Москвы. Известны указатели к ИАК, ИРАО, ЗРАО, изданиям МАО. Здесь, наряду с работами А. А. Спицына, В. Н. Глазова, А. В. Тищенко, археологов, работавших в Псковской губ., можно найти и упоминание о раскопках псковскими исследователями в 1880 г. курганов близ дер. Муравичи (Беренштам, Василёв, Кислинский 1885), или о раскопках в 1896 г.

близ пог. Камне секретарем ПАО Ф. А. Ушаковым, о его же исследования псковских древних печатей (Ушаков 1897; 1902).

В 1870 г. в Трудах МАО опубликован библиографический указатель работ по псковским древностям (сост. К. Г. Евлентьев). В нем, в "Материалах для археологического словаря" представлены 38 названий. В "Вестнике археологии и истории", издаваемом Археологическим институтом в Санкт-Петербурге, напечатан обзор публикаций и исследований о Псковской земле, начиная с 1780 г. (Василёв 1888). Сведения о вышедших статьях по псковской истории и археологии можно найти, в частности, в известных указателях С. А. Белокуров, бр. Ламбининых, А. А. Котляревского, В. И. Межова и др. В указателе С. Р. Минцлова (1913) упоминается журнал курганных раскопок, произведенных в 1878 г. близ Выбут Их Имп. Выс., составленный членом ПАК Н. И. Соколовым (1879), а в 1893 г. были опубликованы сведения о раскопках 1878 г. близ Выбут и Изборска в "Журнале Министерства народного просвещения". Раскопки проводились под руководством гр. А. С. Уварова и при содействии проф. К. Н. Бестужева-Рюмина.

О тесном сотрудничестве псковских любителей древностей с известными историками и археологами свидетельствуют также публикации в печати. И. А. Шляпкин составил в 1879 г. опись рукописей музея ПАК, а к XVI Археологическому съезду предложил доклад о произведенных им в 1912 г. раскопках "могилы Трувора" в Изборске. Н. В. Покровский, бывший до 1909 г. директором Археологического института в Санкт-Петербурге, в 1910 г. был принят в почетные члены ПЦИАК и в 1915 г. — ПАО. Известны его работы о Спасо-Преображенском соборе Мирожского монастыря в Пскове, о псковской церковной старине. С членами ПАО переписывался С. Ф. Платонов, ряд его работ посвящен псковской истории. На собрании ПАО выступал А. А. Спицын.

Таким образом, мы видим, что постепенно, начиная со 2-й пол. XIX в. растет объем публикаций по истории и археологии Псковской земли. С началом деятельности ПАК, а затем ПАО связан качественный рост научного уровня этих работ, появляются публикации результатов археологических исследований в губернии не только в центральных изданиях, но и в местной печати. К началу Первой мировой войны в Псковской губ. сложилась достаточно сильная краеведческая школа.

Указатели литературы по псковской истории и археологии

1. Библиографический указатель книг и статей, относящихся к Псковской губернии (1517–1887) // ПГВ. 1888. 20, 22, 24, 41; 1889. 12, 13, 33, 34.
2. Библиографический указатель русской археологической литературы за 1850 год. 1851. // Записки Археологического общества: 3: 164–165. СПб.
3. Буцевич, Вл.А. 1871. 2-е прибавление к указателю статей, касающихся Псковской губернии, помещенных в неофициальной части “Псковских губернских ведомостей” за все время их издания, т. е. с 1838 по 1871 г. // ПГВ 8.
4. 1874. 3-е прибавление к указателю статей, помещенных в неофициальной части “Псковских губернских ведомостей” за все время их издания, т. е. с 1838 по 1872 г. // ПГВ 4.
5. 4-е прибавление к указателю статей, помещенных в неофициальной части “Псковских губернских ведомостей” за все время их издания, т. е. с 1838 по 1873 г. // ПГВ. 1875. 17–25; 1876. 6, 7, 10, 12–14.
6. 1876. Хронологический указатель к неофициальной части “Псковских губернских ведомостей” с 1870 по 1875 гг. Псков.
7. 1879. Алфавитный указатель авторов, принимавших участие в неофициальной части “Псковских губернских ведомостей” со времени начала их издания, т. е. с 1838 по 1875 г. с указанием номеров “Ведомостей”, в которых были помещены их произведения // ПГВ 39.
8. 1880. Хронологический указатель к неофициальной части “Псковских губернских ведомостей” с 1875 по 1878 гг. Псков.
9. Богушевский, Н.К. 1880. Указание на несколько редких псковских книг и брошюр, находящихся в моей библиотеке // Российская библиография. 75 (23): 549–551; 76 (24): 598–600.
10. Василёв, И.И. 1891. Библиографический указатель статей, относящихся к Псковской губернии 1517–1887 г. С двумя алфавитными перечнями – личным и предметным. Псков.
11. Витберг, Ф.А. 1916. К библиографии Псковской губернии // Сборник Псковской губернской ученой архивной комиссии 1: 99–100. Псков. Отд. оттиск.
12. Евлентьев, К.Г. Указатель статей, касающихся Псковской губернии, помещенных в неофициальной части Псковских губернских ведомостей за все время их издания, т. е. с 1838 до 1869 г. // ПГВ. 1870. 3–9, 11, 13, 14, 16, 17, 18, 20.
13. 1-е прибавление к указателю статей, касающихся Псковской губернии, помещенных в неофициальной части “Псковских губернских ведомостей” // ПГВ. 1870. 23.
14. 1870. Хронологический указатель статей, касающихся Псковской губернии, помещенных в неофициальной части “Псковских губернских ведомостей” за время их издания, т. е. с 1838 года по 1869 год. Псков.
15. 1870а. Прибавление 1-е к хронологическому указателю статей, касающихся Псковской губернии, помещенных в неофициальной части “Псковских губернских ведомостей” за 1869 г. Псков.
16. 1870б. Псков. (Библиографический указатель); Материалы для археологического словаря // Древности. Труды МАО III. 1: 37–39.
17. Парамонов И., М.Попов, Н.Мальво. 1913. Каталог библиотеки ПАО: 85–94. Псков.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
(КОНЕЦ XVIII в. – 1917 г.)

Первые данные о тульских археологических памятниках были получены в ходе широкомасштабной акции Академии наук по анкетированию административных органов провинций Российской империи в 60-х гг. XVIII в. Материалы донесений воеводских канцелярий Тульской губ. были обобщены Л. И. Бакмейстером в его работе “Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи” (1772). Некоторые интересные замечания о древнейшей истории края содержались в путевых заметках путешествий по России В. Ф. Зуева (1787), П. П. Свинына (1825), географических обозрениях кон. XVIII в. Ф. Г. Дильтея (1781), В. А. Левшина (1807).

Подъем национального патриотизма после Отечественной войны 1812 г. и научная деятельность польского ученого З. Я. Долленги-Ходаковского по изучению и систематизации славянских древностей побудили провинциальную интеллигенцию обратить свой взор на изучение древностей родного края. Корреспондентами Ходаковского по Тульской губ. были литераторы А. Г. Глаголев и М. Н. Макаров. В 1820–30-х гг. ими был опубликован ряд статей в столичных журналах с описанием курганов и городищ тульского края. Описание древних находок, памятников Куликова поля и места сражения 1380 г. было осуществлено известным общественным деятелем С. Д. Нечаевым. Попытки рассмотреть вопросы доисторического прошлого губернии, опираясь подчас на сведения об археологических древностях, предприняли первые тульские историки И. Ф. Афремов, Н. Ф. Андреев. Появляется интерес к древнему прошлому и в отдельных уездах. Ценные материалы об археологических памятниках Чернского у. опубликованы А. Г. Зеленецким (1853), Веневского – Д. Г. Геденовым (1854). Важным этапом в развитии археологии губернии была книга этнографа и историка И. П. Сахарова “Памятники Тульской губернии” (1851). Эта публикация стала своеобразным итогом развития тульского археологического краеведения в 1-й пол. XIX в. В ней содержалась систематизированная информация о

городищах, курганах и кладах Тульской губ. и были указаны задачи изучения древнейшего прошлого края и его памятников.

Изучение археологического наследия Тульской губ. во 2-й пол. XIX в. было во многом связано с возникновением и деятельностью российских и губернских научно-исследовательских учреждений: МАО, ИАК, Тульского губернского статистического комитета, первого тульского музея Палаты древностей и др. К открытию в Москве в 1879 г. всероссийской Антропологической выставки была подготовлена и издана вторая, после издания И. П. Сахарова, более подробная сводка курганов и городищ губернии, составленная председателем Тульского губернского статистического комитета В. М. Борисовым. На выставке экспонировалась коллекция каменных орудий С. С. Стрекалова, собранная им в Тульском у. Научное описание и публикацию этой коллекции осуществил искусствовед Г. Д. Филимонов (1874). Материалы каменного века из Тульского у. привлекли внимание естествоиспытателя и археолога И. С. Полякова, который побывал здесь в 1879 г., приобрел несколько образцов каменных орудий и провел первые раскопки Старого Тульского городища. Большую работу по археологическому обследованию территории Белевского у. и сбору орудий каменного века по берегам р. Оки проводили местные краеведы, священнослужители Н. Н. Преображенский и М. Ф. Бурцев. В 1888–95 гг. краеведами было собрано свыше 8000 каменных орудий. Раскопки курганов уезда в это время проводила местная помещица Е. В. Лаврова. Деятельность белевских краеведов привлекла внимание известного русского археолога В. А. Городцова. В 1895–97 гг. он провел первое научное археологическое обследование Белевского у. Его раскопки Федяшевского городища, Воронежской и Федяшевской курганных групп, Жабынской и Воронежской неолитических стоянок стали основой для многих современных исследований и публикаций, посвященных этому региону.

С 80-х гг. XIX в. изучение тульских древностей среди местных краеведов во многом связано с именем Н. И. Троицкого. Созданный им в Туле историко-археологический музей хранил в своих фондах большую коллекцию археологических находок из самых разных уголков губернии. Именно Троицкий впервые среди тульских краеведов провел квалифицированные раскопки городищ в бассейне р. Упы (1898, 1903). Его палеонтологические, ар-

хеологические изыскания в Тульской губ., на Куликовом поле, раскопки Пореченского и Березовского городищ неоднократно публиковались в местных и центральных научных изданиях, трудах Археологических съездов. С образованием Тульской ученой архивной комиссии (1910 г.) ее представители В. С. Арсеньев, Т. Л. Шаталов, П. В. Нарциссов продолжили дело Н. И. Троицкого по изучению памятников археологии басс. р. Упы. Комиссией была разработана и разослана различным организациям и частным лицам археологическая анкета, ответы на которую обобщил член Комиссии П. В. Нарциссов.

Свой вклад в обследование археологических памятников тульского края внесли представители научной интеллигенции соседних губерний. В 1897 г. член Калужской губернской ученой архивной комиссии В. М. Кашкаров первым произвел обследование и публикацию описания городища у с. Спас-Конино Алексинского у., член Рязанской губернской ученой архивной комиссии Ф. Н. Китаев в 1885 г. раскопал 63 кургана у д. Смедовки Каширского у., обследование и раскопки городищ и курганов Веневского и Каширского уу. в 1904 г. проводил член Черниговского губернского статистического комитета С. А. Гатцук. Председатель Рязанской губернской ученой архивной комиссии А. И. Черепнин опубликовал сведения о тульских кладах с арабскими дирхемами (1892). Орловский краевед И. Е. Евсеев раскапывал курганы Чернского у. в 1907 г., московский антрополог Н. Ю. Зограф и болховский краевед В. Р. Апухтин – в Белевском у. (1890, 1902).

Археологические данные, полученные в результате исследований на территории Тульской губ., всегда привлекали внимание известных русских археологов, как неотъемлемая часть общероссийского археологического наследия. Информация о тульских памятниках вошла в археологические своды Н. Н. Горожанского "Материалы для археологии России по губерниям и уездам" (1884), А. А. Спицына "Обозрение нескольких губерний и областей России в археологическом отношении" (1899), фундаментальное исследование по каменному веку А. С. Уварова "Археология России. Каменный период" (1881), монографии и публикации по нумизматике Х. М. Френа, П. С. Савельева, В. Г. Тизенгаузена, А. К. Маркова и другие работы.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Н. Матюшин РУССКОЕ (РОССИЙСКОЕ) АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ АРХЕОЛОГИИ В РОССИИ.....	7
В. М. Массон РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В “КЛАССИЧЕСКИЙ” И “ПОЗДНЕКЛАССИЧЕСКИЙ” ПЕРИОДЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ.....	10
И. А. Майзель ТРАДИЦИИ В РАЗВИТИИ НАУКИ.....	13
Р. В. Васильева ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ. ТРАДИЦИИ И НАСЛЕДИЕ.....	15
И. Л. Тихонов К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕМЕ И СОДЕРЖАНИИ ТЕРМИНА “АРХЕОЛОГИЯ” В РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ НАУКЕ.....	17
М. В. Аникович У ИСТОКОВ РОССИЙСКОГО ПАЛЕОЛИТОВЕДЕНИЯ.....	21
Ю. А. Виноградов О СТАНОВЛЕНИИ АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ В РОССИИ.....	24
А. Н. Щеглов, И. В. Тункина ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АНТИЧНОГО КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА В КРЫМУ.....	27
А. И. Филатов СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В КРЫМУ ДО 1917 ГОДА.....	33
В. П. Никоноров ВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РУССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.....	37
Д. Абдуллоев СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В РАИМК-ГАИМК- ИИМК.....	40

Б. Я. Ставиский	
<i>ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ</i>	43
К. Х. Кушнарёва	
<i>ПЕТЕРБУРГ–КАВКАЗ. НАУЧНЫЕ СВЯЗИ</i>	47
Н. И. Платонова	
<i>ПРЕДСЕДАТЕЛИ ГАИМК – Н. Я. МАРР И Ф. В. КИПАРИСОВ</i>	50
А. Хойслер	
<i>ЭРНСТ ФОН ШТЕРН, АРХЕОЛОГ В ОДЕССЕ И ГАЛЛЕ</i>	54
А. Н. Щеглов	
<i>Э. Р. ШТЕРН В РОССИИ</i>	56
А. Н. Кирпичников	
<i>ВСЕВОЛОД ВИКТОРОВИЧ АРЕНДТ. ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА УЧЕНОГО</i>	58
Т. Н. Заднепровская	
<i>К ИСТОРИИ БИБЛИОГРАФИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ</i>	62
Р. Ш. Левина	
<i>ФОРМИРОВАНИЕ В ПЕТЕРБУРГЕ–ЛЕНИНГРАДЕ ОСНОВНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ РОССИИ</i>	6
Г. В. Длужневская	
<i>НАУЧНАЯ И НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РГАК–РАИМК–ГАИМК–ИИМК В 20–30-е гг.</i>	68
Е. А. Рябинин	
<i>РОССИЙСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ И РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ</i>	71
Н. А. Хан	
<i>АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ В ВЯТКЕ В НАЧАЛЕ ХХ в.</i>	76
А. Е. Королев	
<i>ПСКОВСКАЯ КРАЕВАЯ АРХЕОЛОГИЯ В XIX – НАЧАЛЕ ХХ вв.</i>	78
А. Н. Наумов	
<i>АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ (КОНЕЦ XVIII в. – 1917 г.)</i>	83

CONTENTS

G. N. MATYUSHIN <i>RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL SOCIETY AND ITS ROLE IN THE DEVELOPMENT OF ARCHAEOLOGY OF RUSSIA..</i>	7
V. M. MASSON <i>RUSSIAN ARCHAEOLOGY IN "CLASSICAL" AND "LATE CLASSICAL" PERIODS OF SCIENCE DEVELOPMENT.....</i>	10
I. A. MAIZEL <i>THE TRADITIONS IN THE DEVELOPMENT OF SCIENCE.</i>	13
R. V. VASILIEVA <i>THE IMPERIAL ARCHAEOLOGICAL COMMISSION: TRADITIONS AND HERITAGE.....</i>	15
I. L. TIKHONOV <i>TO THE QUESTION OF THE EXTEND AND SUBSTANCE OF TERM "ARCHAEOLOGY" IN RUSSIAN SCIENCE BEFORE THE REVOLUTION IN 1917.....</i>	17
M. V. ANIKOVITCH <i>ON THE ROOTS OF RUSSIAN PLAEOLITHIC STUDIES.....</i>	21
YU. A. VINOGRADOV <i>ABOUT THE FORMATION OF RUSSIAN CLASSICAL ARCHAEOLOGY.....</i>	24
A. N. SHCHEGLOV, I. V. TUNKINA <i>FROM THE HISTORY OF THE STUDIES OF CLASSICAL CULTURAL LANDSCAPE IN CRIMEA.....</i>	27
A. I. FILATOV <i>THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS PROTECTION IN CRIMEA BEFORE 1917.....</i>	33
V. P. NIKONOROV <i>EAST DEPARTMENT OF RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL SOCIETY.....</i>	37
D. ABDULLOEV <i>ARCHAEOLOGY OF MIDDLE ASIA IN RAHMC-SAHMC- IHMC.....</i>	40
B. J. STAVISKYI <i>THE MAIN STAGES OF THE ARCHAEOLOGICAL STUDIES OF MIDDLE ASIA.....</i>	43

K. KH. KUSHNAREVA	
<i>PETERSBURG-CAUCASUS. SCIENTIFIC RELATIONS.....</i>	<i>47</i>
N. I. PLATONOVA	
<i>N. J. MARR AND F. V. KIPARISOV -</i>	
<i>THE CHAIRMEN OF SAHMC.....</i>	<i>50</i>
A. HÄUSLER	
<i>ERNST VON SHTERN, ARHAEOLOGIST IN ODESSA</i>	
<i>AND HALLE.....</i>	<i>54</i>
A. N. SHCHEGLOV	
<i>E. R. SHTERN IN RUSSIA.....</i>	<i>56</i>
A. N. KIRPICHNIKOV	
<i>V. V. ARENDT. THE TRAGEDY OF SCHOLAR.....</i>	<i>58</i>
T. N. ZADNEPROVSKAYA	
<i>ON THE HISTORY OF BIBLIOGRAPHY OF RUSSIAN</i>	
<i>NATIONAL ARCHAEOLOGY.....</i>	<i>62</i>
R. SH. LEVINA	
<i>THE FORMATION OF THE MAIN RUSSIAN</i>	
<i>ARCHAEOLOGICAL LIBRARY IN ST.-PETERSBURG-</i>	
<i>LENINGRAD.....</i>	<i>66</i>
G. V. DLUZJNEVSKAYA	
<i>SCIENTIFIC STUDIES AND ELIGHTMENT IN RSAC-</i>	
<i>RAHMC-SAHMC-IHMC IN 20-30-s OF THE XXth</i>	
<i>CENTURY.....</i>	<i>68</i>
E. A. RYABININ	
<i>RUSSIAN REGIONAL HISTORICAL STUDIES AND</i>	
<i>RUSSIAN ARCHAEOLOGY.....</i>	<i>71</i>
N. A. KHAN	
<i>REGIONAL ARCHAEOLOGY AND THE PROTECTION OF</i>	
<i>ANCIENT MONUMENTS AT VYATKA IN THE BEGINNING</i>	
<i>OF THE XX CENTURY.....</i>	<i>76</i>
A. E. KOROLEV	
<i>ARCHAEOLOGY OF PSCOV REGION IN THE XIX -</i>	
<i>THE BEGINNING OF THE XX CENTURY.....</i>	<i>78</i>
A. N. NAUMOV	
<i>ARCHAEOLOGICAL STUDIES AT TULA REGION (THE END</i>	
<i>OF THE XVIII CENTURY - 1917).....</i>	<i>83</i>

Археологические изыскания ИИМК РАН

- Вып. 1.** Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР. Л. 1991.
- Вып. 2.** Северная Евразия от древности до средневековья (тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова). СПб. 1992.
- Вып. 3.** Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Сборник статей молодых ученых. Л. 1991.
- Вып. 4.** Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Тезисы докладов конференции. СПб. 1992.
- Вып. 5.** Л. Я. Крижевская. Начало неолита в степях Северо-Восточного Причерноморья. СПб. 1992.
- Вып. 6.** В. Я. Шумкин. Каменный век Восточной Лапландии. В печати.
- Вып. 7.** Г. Н. Курочкин. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири. СПб. 1993.
- Вып. 8.** М. Д. Хлобыстина. Древнейшие могильники Восточной Европы как памятники социальной истории. СПб. 1993.
- Вып. 9.** К. Х. Кушнарева. Южный Кавказ в IX–II тыс. до н. э. СПб. 1993.
- Вып. 10.** AD POLUS. Сборник статей памяти Л. П. Хлобыстина. Изд-во "Фарн". СПб. 1993.
- Вып. 11.** Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Ч. I–III. Материалы к конференции. СПб. 1993.
- Вып. 12.** Изучение памятников морской археологии. СПб. 1993.
- Вып. 13.** Взаимодействие культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. Материалы методологического семинара. СПб. 1994.
- Вып. 14.** Изучение древних культур и цивилизаций. Материалы к пленуму 5–7 апреля 1994 г. СПб. 1994.
- Вып. 15.** Н. Ю. Кузьмин. Курган у деревни Новомихайловка (проблемы изучения культуры степных племен Енисея V–III вв. до н. э.). СПб. 1994.
- Вып. 16.** New Archaeological Discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. СПб. 1994.
- Вып. 17.** М. Д. Хлобыстина. Социогенез культур Северной Евразии эпохи раннего голоцена. СПб. 1994.
- Вып. 18.** Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху (материалы заседаний "круглого стола" 22–24 декабря 1994 г. Санкт-Петербург). СПб. 1994.

- Вып. 19.** А. В. Субботин. Основные принципы компьютерной обработки массового тагарского материала (реферативное изложение). СПб. 1994.
- Вып. 20.** Фортификация в древности и средневековье (материалы методологического семинара ИИМК). СПб. 1995
- Вып. 21.** Изучение памятников морской археологии. Т. 2. СПб. 1995.
- Вып. 22.** Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия (материалы пленума ИИМК 11–14 апреля 1995 года). СПб. 1995.
- Вып. 23.** М. Д. Хлобыстина. Погребальные ритуалы первобытных эпох. Археология, этнография, фольклор. СПб. 1995.
- Вып. 24.** Южная Сибирь в древности. СПб. 1995.
- Вып. 25.** Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Часть I. Материалы конференции 21–25 августа 1995 года. Саратов. Часть II. Материалы конференции и дискуссии 21–25 августа 1995 года. Саратов. СПб. 1995.
- Вып. 26.** Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков. 20–24 ноября 1995 г. Часть 1. Распространение христианства в Восточной Европе. Часть 2. Христианство и древнерусская культура. Часть 3. Памятники церковной археологии в России. СПб. 1995.
- Вып. 27.** Каменный век Верхневолжского региона (по материалам исследований Верхневолжской экспедиции ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН). Вып. 1. Материалы к археологической карте. СПб. 1995.
- Вып. 28.** Анисюткин Н. К., У. И. Исламов, К. А. Крахмаль, Б. Сайфуллаев, Н. О. Хушваков. Новые исследования палеолита в Ахангароне (Узбекистан). СПб. 1995.
- Вып. 29.** З. А. Абрамова. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 1. СПб. 1995.
- Вып. 30.** С. В. Белецкий. Начало Пскова. В печати.
- Вып. 31.** Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации (материалы пленума ИИМК РАН 14–17 мая 1996 г.). В печати.